

LE MESSENGER
TRIMESTRIEL

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 77

II - 1965

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: К. А. Ельчанинов, В. А. Водов, проф. прот. Алексей Князев,
И. В. Морозов, свящ. Петр Струве, Н. А. Струве.

Америка: Епископ Сильвестр Монреальский и всея Канады, проф. прот.
Александр Шмеман, проф. прот. Иоанн Мейендорф, М. Гизетти, О. Раевская

Секретарь Редакционной коллегии: И. В. Морозов.

91, rue Olivier de Serres, Paris 15°. Tél. : BLO. 53-66

СОДЕРЖАНИЕ

Запретный плод — проф. В. В. Вейдле	1
Религиозный кризис современного студенчества — прот. Г. Бенигсен	5
Итоги гонений на Православную Церковь в С. С. С. Р. — прот. Д. Константинов	12
Голос из России	29
О библейском универсализме — свящ. Г. Сериков	35
Памяти епископа Кассиана — Н. А. Куломзин	42
Памяти Ф. А. Степуна (за месяц до смерти) — Н. А. Струве	51
Ф. А. Степун	52
О будущем возрождении России — Ф. А. Степун	54
Нация и национализм — Ф. А. Степун	56
Н. О. Лосский и философия интуитивизма — проф. В. Н. Ильин	61
Моя жизнь и философский путь — проф. Н. О. Лосский	68

БИБЛИОГРАФИЯ

Валерий Брюсов — К. В. Мочульский — проф. В. Н. Ильин	76
«Книга Свидетельств» — Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) — прот. А. Семенов Тянь-Шанский	78

ХРОНИКА

Съезд Р. С. Х. Д. (5-6-7 июня 1965 г.) — А. В. Морозов	79
«Гроза» в исполнении театральной группы Р.С.Х.Д. — Иванов	83

Подписная плата на год: 12 фр. С целью поддержки: 20 фр.; 50 фр.

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый
счет РСХД:

C.C.P. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°.

4 numéros par an. Abonnement annuel : 12 F. Prix du N° 3 F.

Adresse de la Rédaction : Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. France.

В. ВЕЙДЛЕ

Запретный плод

Пишу заметку о философских книгах, недавно вышедших тут, у нас, в зарубежье, как теперь принято выражаться, но думаю при этом не о здешних читателях, а о тамошних, сидящих у себя дома, в перестроенном на тюремный лад доме, и которым эти мои строчки вряд ли даже и попадутся на глаза. Сама тема моя заставляет о них думать. Буду писать для них, а читатель мой несоветский пусть уж меня простит, да быть может, не вредно будет и ему перенестись мысленно туда, к родичам своим, и прочесть эту заметку, как если бы он жил в Москве, в Киеве или в переименованном дважды, по недомыслию двух сортов, Петербурге.

Почти одновременно вышли три книги одного из крупнейших русских мыслителей, С. Л. Франка. Первая из них, «Душа человека»*), увидела некогда свет в России, но в очень неблагоприятное для философии время, в июле 1917 года, так что ее тогда мало кто прочел. Вторая, «С нами Бог», написана была не во время первой, как «Душа человека», а во время второй мировой войны, но на русском языке теперь публикуется впервые; имелось до сих пор лишь английское и французское ее издание. Третья представляет собой антологию, собрание отрывков из произведений русских мыслителей, которое Семен Людвигович составил незадолго до своей кончины (1950) и предполагал опубликовать на английском языке. Озаглавлена книга «Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века». Начинается она с Владимира Соловьева, дает отрывок из Розанова, отрывок из Флоренского, в остальном же состоит из текстов, авторы которых были, как и сам С. Л., высланы из Советского Союза в 1922 году или покинули его добровольно (этих меньшинство) около того же времени. Если бы предназначалась она не для иностранцев и для нас, а для русских в России, следовало бы озаглавить ее «Запретный плод».

В другие времена показалось бы это парадоксальным, но ведь факт налицо, что вся русская философия, от Соловьева до наших дней — запретный плод для русских читателей,

*) «Душа человека» и «С нами Бог» — Издательство YMCA-Press, 1964, Париж.

БИБЛИОТЕКА
БИБЛИОТЕКА-ФИЛИАЛ
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
4001393

живущих не за границей, а у себя на родине. Одновременно с книгами Франка, и посмертным изданием, как они, вышел в Париже сборник статей Льва Шестова «Умозрение и откровение»^{*)}; четыре других объемистых его книги вышли за рубежом при его жизни; все они переведены на французский, частью и на другие языки. А в России? В России все они, как и все книги Шестова, вышедшие там до 1917 года, — запретный плод. В начале текущего года умер в Париже на 94-ом году жизни другой выдающийся и весьма ценный на Западе русский философ, Николай Онуфриевич Лосский; все его сочинения, где бы они ни были опубликованы, точно так же для незарубежных русских, для русской молодежи запретный плод. Вскоре после него, 23 февраля, скончался в Мюнхене, через пять дней после того, как ему исполнился 81 год, Федор Августович Степун, мыслитель и писатель, в равной мере принадлежащий русской литературе и русской философии. Он выпустил за последние годы целый ряд книг, жадно читавшихся немцами в немецком переводе. Вышли эти книги и по-русски — не в России конечно. Там они — да, да, буду повторять это, как припев — запретный плод. Или — это уж совсем мировое имя — Николай Александрович Бердяев, один из знаменитейших философов двадцатого века. Умер в 1948 году в Клараме под Парижем. Написал множество книг, переведенных на множество языков. Есть они по-русски. Хранятся, должно быть (но уж конечно под замком), в больших библиотеках Советского Союза. Пусть попробует там их спросить любознательный читатель. Ответ ему будет: ишь чего захотели! Не знаете разве, что все это — запретный плод.

Все это и многое другое. Бердяев, Степун, Лосский и Франк были в 1922 году высланы из России вместе с несколькими десятками других выдающихся русских мыслителей, писателей и ученых, которые почти все теперь умерли, но писания которых остаются под запретом и по сей день. Все писания, а не только напечатанные за границей, что и вполне логично. Нечего снимать запрет с опубликованного ими до 1922 года, раз не снят он с Владимира Соловьева, Федорова, Розанова, Флоренского, да и с Константина Леонтьева, с Хомякова... Среди высланных был и Сергей Николаевич Булгаков, так как же например не включить в запре-

^{*)} Издательство YMCA-Press, 1964, Париж.

ценную литературу его «Свет невечерний», его «Философию хозяйства», раз включены в нее «Национальный вопрос» Соловьева или его же «Три разговора» с гениальной «Легендой об Антихристе»? Запретным плодом остается не только двухтомная «История русской философии» покойного В. В. Зеньковского, вышедшая в Париже и ставшая в переводах настольной книгой для всех интересующихся ее предметом, но и почти полностью самый этот предмет, сама русская философия, в лице виднейших представителей ее и тех ее книг, чтение и критическое обсуждение которых могло бы оказаться в наше время наиболее плодотворным.

Конечно, вся философия эта, и прежняя, и новая, очень мало имеет общего с тем, что называют философией в Советском Союзе. Но ведь в конце концов Советский Союз именуется себя — если не официально, то официозно — также и Советскою Россией (таково название одного из его печатных органов), а советской России вряд ли может быть так уж вовсе неинтересна несоветская русская философия. Для борьбы с религией она, что и говорить, непригодна, но ведь и в советской России не могла же дойти мысль до такой степени убожества, чтобы ей ни о чем уж и не мыслить, кроме как о борьбе с религией; или до такой степени невежества, чтобы не знать, что все мыслители христианской эры, даже враждебные христианству, были, в своем мышлении, так или иначе с ним связаны и от него зависимы. Русская же философия недавнего прошлого, поскольку она представляет собой что-либо самостоятельное и значительное, с христианскими идеями и христианской религией связана глубже и тесней, чем всякая другая. Это просто исторический факт, с которым никто поделаться ничего не может. Если вы постановили игнорировать его и о философии этой ничего не знать, вы тем самым отреклись от мыслящей России и запретили себе мыслить в общении с ней, хотя бы и в общении борьбы, потому что и для борьбы нужно знать, с чем вы, собственно, желаете бороться. Если эти мыслители — ваши враги, вы не победите их, пока не познакомитесь с ними.

Однако русские люди, живущие нынче в России, и особенно люди молодые, разве они считают этих умерших в изгнании соотечественников своими врагами? Не думаю. Они тянутся к запретному плоду; и они дотянутся до него. Недаром, уже тому семь лет, перепечатали все-таки в Москве

«Кризис искусства» Бердяева, — не без оговорок, разумеется, и в порядке борьбы с «абстракционизмом», некоторые ранние проявления которого были Бердяеву не по душе (хотя соц-реализма он, конечно, не защищал бы). И недаром выпустили там же в прошлом году сборник статей, довольно подробно обсуждающих взгляды Гуссерля, Николая Гартмана и других современных философов, из тех, кого партийное начальство сует в ящик, на который наклеен ярлык «идеализм», хотя ни Гуссерль, ни Гартман идеалистами себя, в общепринятом смысле слова, не считали. Прежде, однако, им бы просто сказали, как самому Платону: идеалист, становись в угол (или к стенке) и вовсе не позволили бы разбираться, чем один бяка-идеалист отличается от другого бяки-идеалиста. Значит, пожалуй, начинает кое-кто в России понимать, что доводы Бердяева или Гуссерля, или еще переведенного недавно польского гуссерлианца Ингардена («Исследования по Эстетике», Москва, 1962), в защиту или в осуждение чего бы то ни было, просто на просто интересней, питательней для мысли, чем вялые дважды два четыре (или дважды два пять), выдаваемые за мышление партийными блюстителями порядка. А если так, то почему же не переиздать «Обоснование интуитивизма» Лосского или «Предмет знания» Франка, хотя бы для того, чтобы способный философствовать ум составил себе понятие о том, что такое философия: ведь по статьям Добролюбова, по наивной диссертации Чернышевского, по задорным, но беспомощным «Философским тетрадам» Ленина ни малейшего представления об этом составить себе нельзя...

Или, возвращаясь к вышедшим теперь в Париже книгам, разве не интересно было бы людям, молодым людям в России, хотя бы и в советской России, узнать из книги Шестова, что думал этот русский мыслитель о том же Гуссерле, или о Киркегоре, или о Толстом, Достоевском, Федорове, Розанове, или что думал Франк о религиозном опыте, о вере, когда вспоминал стих Соловьева

Бессильно зло. Мы вечны. С нами Бог,

или что думал он о душе человека, о душе, как о чем-то цельном и неделимом, о той нашей человеческой сути, о которой в учебниках психологии ровно ничего не сказано? Полагаю, что на этот вопрос незачем мне и отвечать.

Прот. Г. БЕНИГСЕН

РЕЛИГИОЗНЫЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Почти во всех университетах Америки обучается известное количество студентов православного вероисповедания. Естественно, что, в течение уже весьма продолжительного времени, среди этих студентов возникало стремление к объединению на почве общей веры. При разных университетах возникали Православные Студенческие Содружества, судьба которых и продолжительность существования зависели от наличного состава студенчества (непрестанно меняющегося) и от наличия или отсутствия должного руководства со стороны отдельных студентов.

В последнее время наблюдается количественное и качественное развитие сети Православных Студенческих Содружеств, существующих на кампусах шестидесяти университетов страны. Общая тенденция к постепенной централизации канонического православия в Америке, вылившаяся в возникновение Постоянного Совета Епископов Православных Канонических Церквей Америки, как и рост чувства ответственности за судьбы православия в Америке и в мире, наблюдающийся в среде молодых поколений, способствует росту религиозной православной работы в среде академической молодежи. При упомянутом Совете Епископов, под председательством главы Греческой Православной Церкви Архиепископа Иаковоса, создан специальный комитет по координации православной работы при университетах, занимающийся изучением общего положения и налаживанием связи между отдельными Содружествами. Одним из признаков все углубляющейся заботы Православной Церкви о нашей молодежи, уходящей в атмосферу академической жизни, является и создание при одном из самых больших американских университетов — Калифорнийском в Берклее — первого Православного Студенческого Центра с первым, в истории православия в Америке, постоянным университетским священником.

*
**

В религиозном отношении кампус американского университета является местом большого смятения умов. Наши православные студенты никак не избегают этого общего религиозно-философского кризиса, наоборот, подчас они становятся его жертвами даже в более сложном и глубоком смысле, чем студенты других вероисповеданий. К этому есть целый ряд причин. Часть ответственности, естественно, лежит на всей философской системе американского академического образования, никак не предраспола-

гающего к духовной и религиозной жизни и насыщенного, особенно на уровне ранних курсов, псевдонаучным подходом к проблемам религии и философии. Для совсем еще молодого человека, попадающего в университет с относительно слабой обще-культурной подготовкой, полученной им в американской средней школе, этот псевдо-научный подход, свергающий с пьедесталов всех прежних «кумиров» семейной и общественной жизни и среды, кажется крайне заманчивым по силе его «интеллектуальной эмансипированности». «Крушение кумиров», конечно, в значительной степени относится не только к моральным устоям, но и к той религиозной подготовке, с которой студент первого курса попадает в современный университет. Все еще изолированная, в социологическом отношении, среда большинства православных «меньшинственных» групп тоже, конечно, не способствует внутреннему сопротивлению молодого человека против нового образа жизни, нового способа мышления, новых моральных устоев, новой «веры». Наоборот, благодаря нашей социологической оторванности и несколько «гетто-подобных» условий нашей общественной жизни, вырвавшийся «на волю» молодой человек подчас стремится психологически «сжечь все, чему поклоняются» его живые и ушедшие предки и «поклониться всему», что они склонны сжигать на ауто-да-фе своих традиционных установок. Мы здесь не склонны заниматься критикой тех или иных установок, мы просто ищем причин, благодаря которым молодежь наша, в значительной ее части, с таким азартом бросается в общий поток обезличивающей ассимиляции, как только она вырывается из родных пенат.

Итак, каким существенным фактором в этом внутреннем кризисе, переживаемом нашей университетской молодежью, не являлась бы сама система американского академического преподавания, причины кризиса надо искать не только в ней. Утрата религиозного и национально-самобытного сопротивления против нивелирующей силы ассимиляции имеет свои корни также и в тех двух факторах, которые формируют жизнь и психику человека в ранних стадиях его развития, — в семье и в церковной общине.

Достаточно соприкоснуться с живой действительностью американского кампуса, частью которой являются наши православные юноши и девушки, молодые люди и женщины, лет на пять, а то и на восемь уходящие в атмосферу «религиозного сквозняка», чтобы понять, что имеются принципы в нашей православной семье и церковной общине, требующие почти немедленного пересмотра. Это утверждение относится отнюдь не исключительно к православной среде, те же тревоги тяготят общее религиозное сознание американской общественности, занимающейся проблемами студенческой молодежи. Номер популярного еженедельника «Ньюзуик» от 22 марта 1965 года почти целиком посвящен проблемам «Кам-

пуса 1965 года». Касаясь, среди многочисленных других аспектов этой сложной проблемы, вопросов веры на кампусе, журнал приходит к тревожным заключениям. Любая религия, попадая на кампус, переживает глубокий кризис. С присущей американцам любовью к статистике, журнал дает следующие интересные данные о том, как жизнь и учение в университете отражаются на религиозных убеждениях студентов. В общей своей анкете «Ньюзуик» поместил следующий вопрос: считаете-ли вы, что ваш университетский опыт укрепил вашу веру или внес в вашу жизнь известные сомнения относительно религии?» В процентном отношении ответы распределились следующим образом:

Курс (год обучения)	Укрепление веры	Усиленные сомнения	Без перемен
Первый год («фрешмэн»)	23%	23%	53%
Четвертый год («синиор»)	20%	45%	34%
Аспирантура («градуэнт»)	24%	40%	36%
Итого:	22%	39%	39%

Эта статистика заслуживает тщательного анализа, которым сейчас не время заниматься, в виду ограниченности места. По процентным данным первого ряда видно, что наибольший процент студентов первого года не испытывает никаких перемен в своей религиозной жизни. Это, однако, отнюдь не указывает на благополучное положение: большинство студентов попадают в университет без какой-бы то ни было определенной религиозной идеи и без установившейся религиозной жизни — ясно, что в данном случае никаких «перемен» ожидать не приходится, пустое так и остается пустым. Вторая половина распадается на две равных части: у одних вера укрепляется — благодаря личным встречам, участию в студенческой религиозной работе и т. д., у других идет на убыль, благодаря выше уже указанным причинам. Таким образом, только 23% студентов первого курса не только не теряют, но даже углубляют свою духовную жизнь; у 76% она либо идет на убыль, либо не занимает никакого существенного места. Подобная статистика подтверждается опытом Православного Студенческого Центра в Беркле. На вопрос о религиозных убеждениях, имеющийся на каждой из 27.500 регистрационных карточек, 50% студентов не отвечают ничего. Значительная часть этих 50% относится, повидимому, к тем, внутренняя жизнь которых на кампусе остается «без перемен».

Влияние светского кампуса, о котором говорилось в начале этой статьи, характеризуется, по отношению к другим — деноминационным и частным — университетам, следующей статистикой, связанной все с той же анкетой журнала «Ньюзуик». В данном случае ответы все на тот же вопрос о влиянии университета на религиозную жизнь индивидуальных студентов распределяются следующим образом:

Тип университета	Укрепление веры	Усиленные сомнения	Без перемен
Частный не на содержании деноминации (церкви или вероисповедания)	18%	42%	39%
Частный деноминационный	42% (!)	31%	27% (!)
Общественный (штатный)	17% (!)	40% (!)	43%

Цифры говорят сами за себя; самые яркие данные мы подкрепили восклицательным знаком в скобках. И все же 75% из опрошенных журналом студентов признали себя верующими в той или иной степени. По словам журнала «сегодняшнее поколение университетских студентов, разнесенное по годам и зарегистрированное на карточках, постоянно проверяемое и судимое, все еще представляется не желающим совершенно снять со счета возможность существования Последнего Экзаминатора».

В чем же ответственность семьи и церкви и в чем именно эти два кита, на которых зиждется и создается человеческая личность, не проявляют достаточно влияния на формирующуюся духовную жизнь молодого поколения? Какими способами можно перекинуть мост через ту психологическую пропасть, которую приходится перескочить молодому человеку, уходящему от семейного уюта на сквозняк университетской жизни? Надежды на то, что молодежь «перебесится» и вернется к солидным устоям жизни взрослых людей, недостаточно: если мост не будет перекинут своевременно, множество душ потеряется в этой пропасти равнодушия, сомнений, агностицизма, неверия...

Вера наша, ее догматы, богослужение, духоносность остаются незыблемы и неизменны. Нет совершенно никакой необходимости что-либо менять, упрощать, «сокращать». Не нужно никаких «косвенных» средств: танцами никого и никогда к церкви не приведешь и в церковь не вернешь. Как раз наоборот: убедительным будет только тот подход, на котором вера наша будет преподноситься нашей молодежи совершенно бескомпромиссно, как подлин-

ная философия жизни, как живая и творческая сила, как единственное оправдание всего нашего существования. Подход, на котором церковь перестанет быть только лишь эмоциональным фактором, альбомом с дорогими фотографиями или музеем с реликвиями былой славы, но станет подлинным ДВИЖЕНИЕМ нашим к Богу, силой, преобразующей и обновляющей мир, стихией, вдохновляющей всякое человеческое творчество. Только такой подход может зажечь, вдохновить, омолодить нашу часто духовно-дряхлую молодежь.

Действительность наша прискорбно далека от такого идеала. Покойный ныне профессор Федор Августович Степун, человек яркой мысли и сильных формулировок, когда-то, в лекции на тему об исторической памяти, говорил с присущим ему ораторским темпераментом (цитирую по воспоминаниям о лекции, прочитанной на одном из съездов Русского Студенческого Христианского Движения в послевоенной Германии):

«Нас влечет в церковь по разным причинам, столь часто к церкви не относящихся. Для одних из нас жизнь в церкви соответствует романсу «мой уголок я убрала цветами», для других церковь — это «взейтесь, соколы, орлами»... Все мы расчесываем в церкви раны нашей памяти, но кровь, которая сочится из этих ран, ничего общего с Евхаристической Кровью не имеет»...

Церковная культура семьи и приходской общины — вот два первых вопроса на повестке дня. Поднятие этой культуры требует больших духовных и интеллектуальных усилий. Слово и дело попрежнему являются сильнейшими орудиями веры, но орудия эти все чаще можно обнаружить на полках наших книжных шкапов и музеев и все реже в реальной жизни. Знание веры требует умственного напряжения, дела веры требуют духовных усилий. Без того и другого семья и церковь обречены на длительную инертность, результатом которой будет все уменьшающееся количество молодежи в церкви, все растущая дряхлость нашей, церковной действительности. Читающие эти строки знают, что не простая угроза заключается во всех наших утверждениях: достаточно посмотреть на ряды богомольцев наших храмов и сравнить их с действительной наличностью потенциальных православных членов церкви.

Большинство наших молодых людей живут в семьях, где вера становится все более отвлеченным фактором, связанным, в лучших случаях, с обычаями празднования священных событий. Религиозное чтение почти совсем ушло из семейного обихода, и родители, усердствующие в ознакомлении подростков с так называемыми «фактами жизни», живут в блаженном неведении о фактах вечности, без которых дети их прожить не смогут. Церковная жизнь семьи требует коренных реформ, являющихся возвратом к подлин-

ным нормам религиозной жизни, к практике частых исповеди и причастия (всей семьей!), к регулярному присутствию за богослужениями (всей семьей!), к чтению религиозной литературы, к повышению интеллектуального и культурного уровня семьи.

Приходам пора уходить от мелких житейских споров о правах и обязанностях пастырей и мирян, о ведении скудного хозяйства, от бесплодной политики и ненужного честолюбия. Приходам пора обновлять сознание, что каждая приходская община является Церковью, с большой буквы, ради которой Господь пришел на землю и воплотился, чтобы в храмах наших — убогих и богатых — снова и снова воплощаться за каждой Божественной Евхаристией.

Возвращение семьи и прихода к этим исконным основам жизни в Боге заставят пастырей делать гораздо больше, чем они делают сейчас, дадут им радостную возможность обновленного ощущения своей «нужности», своей «полезности» в деле воспитания, в деле строения, в деле учительства и руководства духовного. Только на этих путях может начаться подлинное возрождение Православия, возрождения, которое вернет Православию его пророческий голос, его преображающую и одухотворяющую мир силу...

Психологическая пропасть, отделяющая мир семьи и дома от мира «кампуса», состоит в том, что религиозный опыт семьи, в значительной его доле, сведен к некоей религии типа «Санта Клаус». Никто не говорит, что этот вид религии не создаст для ребенка условий тепла, ласки, заботы, семейной опеки. Но все дело в том, что юноша или девушка, выросшие в подобных религиозных условиях, лишенные элемента мысли, творчества, напряжения, попадают из объятий доброго «Санта Клаус», образно выражаясь, в объятия таких суровых и безжалостных людей, как Фрейд и Маркс. Попадают на безличный и пронизывающий сквозняк университетской жизни, о котором нет больше спасения в теплом уюте семьи и дома. Попадают под влияние псевдо-науки, псевдо-морали, псевдо-философии, которым учат их вчерашние юноши, только что прошедшие ту же безжалостную школу полной и категорической переоценки ценностей. В этой новой перспективе студент смотрит на все в бинокль, поднося его к глазам не теми линзами. Все близкое, вся новая университетская жизнь видится ему такой грандиозно-заманчивой, такой великолепной, такой высоко-интеллектуальной, что даже носки своих собственных ботинок он готов принять за вершины культурного Эвереста. А все оставшееся «дома» становится таким маленьким-маленьким, таким полу-реальным, таким сказочным, что нет смысла утруждать глаза, заглядывая в это недавнее «прошлое».

Но по статистике видно, что 23% уже в первом году, даже в этих «страшных» условиях университетского духовного кризиса,

не только не теряют своей веры, но даже находят возможности к ее углублению. К последнему курсу часть из них переходит в категорию «сомневающих», но в группе «прогрессивно-верующих» все еще остается 20%, ряды которых пополняются в годы аспирантуры и достигают 24%. Судя хотя-бы по тому, что процент этот остается верным себе вплоть до аспирантуры, то есть до той стадии академической жизни, когда студенты готовятся к снисканию магистерской или докторской степени, группа эта не состоит из «умственно отсталых», скорее наоборот — постоянство статистических данных на разных уровнях академической карьеры может указывать на интеллектуальную монолитность этой группы.

Можно предполагать, что к этой группе принадлежат те студенты, для которых переход от «дома» к университету не сопряжен с обязательным духовным кризисом. Частично это можно объяснить индивидуальными особенностями, но главным фактором здесь, несомненно, является тот уровень семейной обстановки, от которого студенты отталкиваются для прыжка в неизвестную академическую среду.

Таким образом более глубокое ознакомление с вопросом религиозного состояния современного американского студенчества невольно приводит к издавна знакомому утверждению о роли семьи в жизни человека и в процессе формирования его личности. В современной православной действительности мы часто склонны перемещать ответственность с одного фактора на другой. Все подвергается нашей неумолимой критике: иерархи, пастыри, миряне. Ясно, что все несут свою долю ответственности, но в плоскости анализируемой нами проблемы, львиная доля ответственности лежит на семье. На ее требования сдадутся все — иерархи, священники, миряне — сдадутся не без удовольствия, так как в такой капитуляции будет виден зачаток подлинной жизни Церкви. Но так важно самой семье — отцу и матери — понять, что будущее их детей зависит от них, от их собственной духовной жизни, от их собственной верности Христу и Церкви, от их собственного стремления к непрестанному умственному развитию и к повышению культурного уровня жизни семьи. Церковь — к их услугам. Церковь только и ждет, чтобы стены ее огласились топотом детских ног. Для Церкви нет более прятной музыки, чем плач грудного ребенка. В Церкви всегда те же вечные потенциалы: Таинства, богослужения, богословие, одухотворение, мудрость, красота, любовь. Они раскрываются каждому в ту меру, в которую он стремится их раскрыть. Для этого нужно небольшое усилие, которое не замедлит отплатиться седмерицею: жизнь получит новое содержание, союз семейный приобретет новую крепость, детям будет постоянно сопутствовать покров семейной благодати, Церковь снова станет силой живой и преображающей, каковой Ей и надлежит быть.

Краткий опыт молодого еще Православного Студенческого Центра в Берклее и при нем проводящаяся пастырская работа послужили отправной точкой для попытки анализировать проблему религии в условиях современного американского университета. Остается надеяться, что эта попытка займет надлежащее место в деле общего анализа всего нашего церковного положения в современном мире. Православие крайне нуждается в новых силах, в свежей крови. Если все мы не обратим достаточно внимания на проблемы, затронутые в настоящей статье, можно с уверенностью сказать, что значительная часть нашей православной молодежи, часть, несущая в себе потенциальный залог церковного возрождения, ускользнет из наших рук и уйдет в мир благополучия и безразличия, в мир, Церкви совершенно чуждый, а подчас и враждебный.

Организация православной церковной работы на кампусах, расширение только что возникшей сети регулярного духовного обслуживания нашего студенчества является одним из средств к тому, чтобы повернуть к Церкви утекающий от нее поток наших молодых сил. Но для полного успеха необходимо широкое понимание и сотрудничество всей церковной общественности, необходимы коренные духовные реформы, духовное обновление семьи — «малой церкви», как называл ее апостол Павел.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

Итоги гонений на Православную Церковь в С. С. С. Р. *)

1. — Вместо исторического очерка

Современные гонения на Православную Церковь и вообще на всякую иную религию в СССР имеют свою совершенно определенную историю.

Предшественником нынешних церковных гонений явились преследования Церкви, организованные Сталиным в тридцатых годах. Эти преследования, вылившиеся в жестокий, тотальный административный и политический террор против Церкви, явились во многих отношениях прототипом того, что творит сейчас диктатура по отношению к религии. Попытка Сталина окончательно физически уничтожить религию административным путем была

*) Настоящая статья впервые была напечатана по-английски в «Бюллетене Института по изучению Истории и Культуры С.С.С.Р.», Мюнхен. Май — 1965 г.

прервана начавшейся войной с Германией. Война началась в тот момент, когда в СССР из 54.000 церквей, ранее открытых, осталось не больше 100.

Война с Германией положила начало второму периоду в жизни Русской Православной Церкви. Как это ни парадоксально звучит, но факт остается фактом, что исторически Германия своим нападением на Советский Союз предотвратила уже заканчивавшийся административный разгром Церкви. Начавшаяся война создала совершенно новые условия внутри страны и дала предпосылки для временного, показного изменения отношения диктатуры к Церкви и к религии в целом. Насколько в этот острый момент Церковь стала необходима диктатуре, достаточно говорит за себя факт прекращения всякой антирелигиозной пропаганды и официальное признание властью ее нежелательности. Анализ внутренних причин, вызвавших вынужденное со стороны власти изменение отношения к Церкви, не входит в задачу данной статьи. Но несомненно одно: внутреннее и военное положение в стране во время войны с Германией стало столь непрочным для диктатуры, что ей пришлось мобилизовать все, что можно было, и естественно, что она обратилась и к Церкви, внутренне отлично понимая ее огромные возможности в смысле духовного воздействия на народ.

Изменяя свое отношение к Церкви, символически как бы подписывая с ней своеобразную «унию» и предъявляя к ней ряд требований в обмен на право более или менее ограничено сносного существования, Сталин едва ли предполагал, что подобный поворот станет поворотом всерьез и на долгие годы. Поворот этот был, по расчетам власти, временный, но насколько долго он продлится, тогда было трудно сказать. Ясно было, что, во всяком случае, — до конца войны.

Послевоенная обстановка в стране сложилась так, что Сталин не считал целесообразным, по многим причинам, разрывать с Церковью негласный договор и снова перейти к системе административных гонений. Кроме того, ни Сталин, ни его ближайшие соратники, прибегнув во время войны к помощи Церкви, одновременно недоучитывали те возможные последствия, которые могло дать изменение режима ее существования. Власть недооценивала всю духовную мощь Церкви, даже поработанной и плененной, и не отдавала себе полного отчета в том, какое влияние на народ может оказать хотя бы частично раскрепощенная религия. Власть спохватилась лишь после смерти Сталина, т. е. в середине пятидесятых годов.

2. — Контр-наступление на Церковь

Второй и наиболее благоприятный период в жизни Церкви в СССР длился с начала войны с Германией и приблизительно до 1957—58 года. С 1957 года власть начинает осуществлять подготовку контр-наступления на религию, которое в начале мыслилось лишь в плане восстановленной антирелигиозной пропаганды. К этому контр-наступлению диктатура готовилась очень усиленно и исподволь, собирая и подготавливая антирелигиозные кадры, распыленные и деквалифицировавшиеся за долгие годы «нежелательности» атеистической пропаганды.

Чем была вызвана подготовка к новому наступлению на Церковь? Это было вызвано несколькими причинами. Из них главные следующие:

1) Рост Церкви, резкое увеличение количества открытых храмов и молитвенных домов, причем процесс этот продолжался все послевоенные годы, и у власти не осталось никаких надежд, что он в ближайшее время сам по себе остановится, а количество открытых храмов стабилизируется. Продолжающееся открытие новых церквей и молитвенных домов свидетельствовало о все возрастающей народной тяге к религии и что духовная насыщенность народа в области религии далеко не исчерпана. К этому периоду число церквей увеличилось до 22.000, число священников до 30.000 и епископов до ~~4000~~.

2) Рост авторитета и влияния Церкви в народе. Начавшийся диалог между религией и безбожием приводил в это время к явному духовному и идейному преимуществу Церкви над атеизмом. Идеи Церкви начали широко популяризироваться в народе. Ее миссионерская деятельность имела явный успех. Некоторое расширение организационной деятельности Церкви вовлекло в ее орбиту новые контингенты верующих.

3) Работа вновь открытых духовных академий и семинарий показала тягу некоторой части советской молодежи к религии и ее желание посвятить себя на служение Церкви. Начавшееся развитие не вполне легального, но фактически существовавшего частного обучения детей основам религии, показало диктатуре, что часть детей и молодежи отходят от официальной коммунистической идеологии.

Короче говоря, власть должна была во что бы то ни стало остановить начавшееся и развивавшееся духовное наступление Церкви, которое было весьма успешно, несмотря на существовавшие значительные стеснения религиозной деятельности. Церковь отвоевала у власти одну духовную позицию за другой и пользовалась несомненной народной поддержкой.

Таким образом, спохватившаяся диктатура пришла к решению прекратить дальнейшее наступление Церкви и самой перейти в решительную контратаку. Как уже упоминалось, эту контратаку предполагалось провести сначала лишь силами антирелигиозной пропаганды, т. е. главным образом, силами идейного воздействия на народ. Поэтому-то с 1958 года начинается весьма интенсивное развитие антирелигиозной пропаганды. Но несмотря на все усилия диктатуры и всяческой государственной поддержки, успеха это мероприятие власти не имело. Атеистическая пропаганда, несмотря на все старания власти и многообразие своих форм, по признанию самой диктатуры, фактически провалилась. Этот провал идейной контратаки власти на религию вынудил последнюю прибегнуть к решительным средствам физического воздействия на Церковь и вступить в полосу новых и до сих пор продолжающихся гонений на нее. Это и случилось в конце 1959, в начале 1960 года.

3. — Современные гонения

Современные гонения на Церковь и религию в целом связываются некоторыми персонально с именем Хрущева. Больше того, в настоящее время существует мнение, что главным вдохновителем, инициатором и организатором гонений на веру был несомненно сам Хрущев. Лица, придерживающиеся этой точки зрения, считают, что он отличался личной злобной ненавистью к религии и всегда стремился к активной борьбе с верой в Бога.

То, что Хрущев был атеистом — это несомненно. Вполне вероятно, что он был активным противником религии и стремился к ее уничтожению, и относился к ней с ненавистью. Но совершенно безобразные гонения начались не тогда, когда Хрущев пришел к власти, а значительно позднее, и были связаны с последними годами хрущевского правления. Совершенно очевидно, что осуществление гонений на Церковь определялось какими-то более крупными факторами, чем личное отношение Хрущева к религии. Вообще видеть причины тех или иных исторических событий лишь в личных особенностях отдельных лиц едва ли правильно.

Гонения начались тогда, когда стал ясен полный провал идеологического контрнаступления на религию в виде предельной активизации атеистической пропаганды во всех ее формах и видах. Неэффективность антирелигиозного контрнаступления, почти официально признанная властью, и нашедшая достаточно полное отражение в советских газетах, заставила диктатуру вернуться к уже испытанным сталинским способам подавления религии. Начались чисто административные притеснения Церкви, проводимые достаточно изощренными способами и с бесцеремонным вмеша-

тельством во все ее чисто внутренние дела. И вот здесь, очевидно, к организации активных гонений приложил руку и сам Хрущев.

Власть нарушила односторонне унию, фактически заключенную ею с Церковью во время войны, отменила все свои обещания, но по-прежнему продолжает обязывать Церковь выполнять все то, что она должна была делать в соответствии с заключенным, но не оформленным договором. Короче говоря, власть стала активно разрушать Церковь.

Как указывалось выше, начало гонений следует отнести к концу 1959 года, с достижением полного их развития в 1960 году. Начало новых гонений ознаменовалось опалой митрополита Николая (Ярушевича) Крутицкого и Коломенского, до этого времени бывшего фактически правой рукой патриарха и стоявшего, наряду с патриархом, во главе Русской Православной Церкви в СССР. Митрополит Николай восстал против гонений, начатых властью, и этого было достаточно, чтобы его блестящая церковная карьера была окончена. Его смерть в 1926 году была не только неожиданна, но и загадочна, что дает основание думать, что он явился одной из первых жертв гонений на религию. Вслед за этим последовали аресты многих священнослужителей, в том числе и епископов, и судебные процессы, искусственно созданные над ними.

Гонения на религию, начатые властью, своим объектом имели все исповедания, имевшиеся на территории СССР. Но особенно ожесточенным преследованиям подверглась Русская Православная Церковь, как основная религия в СССР.

Но одновременно надо отметить, что нынешние гонения на Церковь и религию в целом, в отличие от довоенных, протекали и протекают, с одной стороны, при активном сопротивлении народа религиозной политике власти, а с другой стороны, при почти полном молчании Запада. Эти обстоятельства как бы оказывают противоположные влияния на действия власти. Активное сопротивление народа, до сих пор, в какой-то мере, ограничивает в ряде случаев действия власти, а абсолютное равнодушие свободного мира к происходящему в области религиозной жизни в СССР, наоборот, дает возможность власти распрямиться там, где для этого представляется возможность. Попытки верующих напомнить власти о неконституционности ее действий сталкиваются с одним и тем же наглым, но модным сейчас ответом: «конституция не для Вас!».

Преследования Церкви и религии в целом идут по следующим линиям:

1) Насильственное закрытие церквей, молитвенных домов, монастырей под всякого рода предлогами. К началу 1964 года их осталось только половина того числа, которое было в конце 1959 года, т. е. около 10.000.

2) Сокращение до минимума подготовки новых священников и религиозно-образованных людей, что достигнуто путем насильственного закрытия половины духовных учебных заведений. Вместо восьми духовных семинарий остались четыре¹⁾, а по последним данным — три.

3) Категорически запрещается и не допускается миссионерская деятельность Церкви. Проповедь священников в храме также подвергается цензуре, и священник под угрозой привлечения к суду может говорить только то, что ему разрешила власть. Абсолютно запрещено преподавание Закона Божьего детям и всем не достигшим совершеннолетия.

4) Категорически запрещается совершение богослужений или общественной молитвы вне храма. На кладбищах запрещено совершение заупокойных служб. Власть вмешивается в культовую жизнь Церкви вплоть до того, что диктует ей точное время, когда можно и когда нельзя совершать богослужения. Нарушение постановлений власти влечет за собой репрессии, вплоть до закрытия храмов и лишения духовенства права совершать богослужения.

5) Почти все церковные требы совершаются при условии специальной регистрации всех, кто заказывал данную церковную службу. Впоследствии на этих людей обрушиваются соответствующие репрессии по месту их работы.

6) Церкви и всем вообще религиозным организациям совершенно запрещается какая бы то ни было благотворительная деятельность. Не допускается также и общественная деятельность Церкви.

7) Родителей, воспитывающих детей в религиозном духе, отдают под суд, который насильственно отнимает детей и передает их в государственные интернаты, где их воспитывают в атеистическом духе. Подвергается гонениям и верующая молодежь, которой чинятся всякого рода препятствия для их учения в тех учебных заведениях, в которых они состоят.

8) В 1962 году был издан секретный циркуляр правительства, согласно которому детям и всем несовершеннолетним вход в храмы воспрещен. Духовенство не имеет права начинать богослужение, если в храме находятся дети и подростки. До начала богослужения дети должны быть насильно удалены из храма. Причащать детей можно только до трехлетнего возраста.

9) Аресты и ссылки в исправительно-трудовые лагеря, заключение в тюрьмы епископов, священников и просто верующих людей продолжают с неослабевающей силой.

¹⁾ Журнал Московской Патриархии, № 3, 1964. Стр. 24.

10) Усилилась до предела т. н. «индивидуальная» антирелигиозная пропаганда, ставшая своей задачей «идейно», а фактически путем угроз и насилия, оторвать верующих от религии. Она сводится к тому, что агитаторы-атеисты приходят на дом к верующему или на место его работы и «убеждают» его отказаться от религии. Методы убеждения в СССР, как и во всякой другой стране с тоталитарным режимом, всегда и неизбежно связаны с насилием и угрозами. Известны случаи, когда люди, подвергнутые изнурительной «индивидуальной» обработке, бросали насиженные места и скрывались в неизвестном направлении.

В стране царит тотальный террор в отношении религии и всех ее представителей. Его цель — абсолютное и окончательное уничтожение религии в ближайшее время. Пока остались мало затронутыми этим террором лишь объекты религии, нужные для показа иностранным туристам, для того чтобы убедить последних, что в стране царит полная свобода религии. К таким объектам относятся некоторые храмы в Москве, Ленинграде и в других больших городах, посещаемых туристами, Троице-Сергиевская лавра под Москвой в Загорске и некоторые другие религиозные памятники.

Переходим теперь к рассмотрению некоторых деталей гонений, происходящих сейчас на территории огромной страны.

4. — Разрушение церквей

Насильственное закрытие и разрушение церквей идет полным ходом. Факты, опубликованные в самой советской печати, подтверждают это. Подтверждают указанное и ряд посланий групп верующих, обращенных к западному миру, письма частных лиц, впечатления людей, побывавших в СССР, специальные источники информации из страны и т. п.²⁾

Как и в довоенное время, граждане СССР просыпаются по ночам в городах от сильных взрывов. Это власть ночью взрывает церкви и молитвенные дома.

В июле 1964 года, ночью с 10 на 11 июля, перед днем Свв. апостолов Петра и Павла, в Москве был ночью взорван храм, во имя Свв. апостолов Петра и Павла, на Преображенской площади. Он был взорван под тем предлогом, что это место нужно городу, для того чтобы сделать на нем вход в метро.

²⁾ Обращение верующих в СССР к Восточным патриархам, Иерусалимскому, Антиохийскому, Константинопольскому и другим и в Организацию Объединенных Наций. Опубликовано в «Посеве» от 7 января 1965 г. №№ 1—2 (972—973).

«Полузакрота» церковь в Донском монастыре, где находится могила патриарха Тихона. В церкви разрешены службы только в большие праздники. Причиной этих притеснений является желание власти прекратить народное поклонение могиле патриарха Тихона.

Как сообщила печать, в Ленинграде недавно был разрушен прекрасный храм во имя Св. Троицы. В этом многомиллионном городе в настоящее время открыты только 16 храмов всех исповеданий.

В Киеве, в течение мая 1964 г. разрушено было три церкви. Вообще в этом городе разрушение храмов, как отмечают бывшие там люди, идет с необыкновенной быстротой. В нем осталось всего 7 церквей, в то время как до 1960 года их было 28.

В Риге закрыт и передан под планетарий православный кафедральный собор. На массовые протесты верующих власть не обратила никакого внимания. В том же городе закрыт протестантский собор и превращен в концертный зал.

В городе Саратове в середине прошлого года действовали только 2 церкви. Вообще в Саратовской области осталось 40 действующих приходов.

В Смоленске, в марте 1964 г. оставался открытым только один храм.

В Одессе открыто 7 церквей, вместо 19 в 1960 году.

В Новгороде в 1963 г. закрыли Никольский собор, передав для нужд верующих церковь во имя святителя Филиппа.

В Минске остались еще открытыми 2 церкви. В 1960 г. их было 5. Две закрытых церкви были немедленно разрушены. В Минской области сейчас открыто 420 храмов. До 1960 г. в области было 750 храмов.

По всей Белоруссии в 1962 году насчитывалось 900 храмов. За два последние года было закрыто 300 церквей.

В Калужской области осталось 28 церквей.

В гор. Полтаве осталось три церкви. Всего в Полтавской епархии осталось 59 приходов.

В Ставропольско-Бакинской епархии осталось около 150 приходов, против 200, имевшихся приблизительно два года тому назад.

В Крыму из 25 церквей, в 1960 году, в настоящее время осталось 12.

В Сочи осталась открытой только одна церковь.

Вообще следует отметить, что в провинции антирелигиозная реакция действует весьма энергично. Во многих провинциальных городах не осталось ни одного храма. Такое положение наблюдалось раньше перед началом второй мировой войны. В городе

Чернигове, например, уже сейчас не осталось ни одной церкви. Крупные районы сельских местностей остаются совсем без храмов. Для того чтобы попасть в церковь, верующие должны преодолеть путь во много десятков километров.

В одной из петиций верующих, присланных в свободный мир, говорится, что в течение предыдущего года по всему Союзу было закрыто 2000 церквей³). Можно считать, что за последние годы ликвидировано не менее половины церквей и монастырей.

В местностях, где широкое распространение имеет Католическая Церковь, власть действует в отношении ее тоже энергично. Так, например, в Латвии в 1960 году было 580 католических храмов, а в 1964 году их осталось всего 75.

Методы закрытия церквей у власти одни и те же. Во многих случаях, храмы без всякого стеснения закрываются насильно, под всевозможными официальными предлогами. К таковым относятся, прежде всего, указания на то, что место, на котором стоит храм, нужно под те или иные общественные нужды. Примером может послужить, приведенная выше официальная причина разрушения Петропавловского храма в Москве. В городах власть обычно заявляет, что храм мешает городскому движению, что в данном месте надо расширить улицу, или сделать площадь и т. п.

Храмы принуждены также закрываться сами по причине обложения невероятно высокими налогами. Власть постепенно, из месяца в месяц, произвольно повышает налог на тот или иной храм, доводя размер обложения до того, что верующие не могут его выплатить. Когда этот момент наступает, — власть закрывает храм. Ни о какой защите закона в этих случаях говорить не приходится, т. к. диктатура произвольно в любое время меняет свои законы и распоряжения.

Иногда власть заявляет, что храм мало посещается верующими и, якобы по требованию «трудящихся», т. е. большинства, храм должен быть закрыт.

Немало бывает случаев, когда в церковь приходит официальная комиссия для его осмотра и заявляет, что храм находится в таком состоянии, что может разрушиться. В этом случае храм тоже закрывается, т. к. по уверениям власти, он не безопасен для пользования.

В последние годы применяется еще один злобно-издевательский способ закрытия церквей. Под каким-нибудь предлогом, у священника того или иного храма отбирают т. н. «регистрацию». Регистрация — это документ, выдаваемый священнику местными

3) См. также: Церковь после Хрущева. «Посев» от 15 января 1965 г. № 3 (1974).

органами власти и дающий ему право совершать богослужения. В связи с лишением настоятеля регистрации, власть почему-то предлагает также переизбрать «двадцатку» (церковный совет). Для того чтобы переизбрать двадцатку, надо созвать собрание. Для созыва собрания надо получить разрешение от местного совета или исполкома. Когда представители церковного совета приходят в местные органы власти за этим разрешением, им его не дают и посылают к местному уполномоченному по церковным делам. Уполномоченный разрешения не дает и снова отсылает просителей в местный совет. И все повторяется снова. Получается заколдованный круг, из которого нет выхода. Время уходит в бесплодных хлопотах. Церковь стоит пустая, в ней богослужения не совершаются, т. к. нет священника. Двадцатка не переизбирается, т. к. нет разрешения на проведение собрания. Через 6 месяцев уполномоченный требует ключи от храма и объявляет церковь закрытой, ибо по закону, пустующая 6 месяцев церковь закрывается.

При всей этой издевательской волоките власть не дает никаких письменных документов. Все делается устно. Доказать что-либо верующие не могут⁴).

Именно такими методами и закрыты тысячи церквей на территории СССР.

Наряду с храмами закрываются также и монастыри. Закрыта особо чтимая верующими Киево-Печерская лавра, закрыт Михайловский монастырь (Одесса), закрыт Овручский женский монастырь и многие другие. Под угрозой закрытия находится Почаевская лавра (Тарнопольская область), Псково-Печерский монастырь⁵).

Власть хочет всячески закрыть Почаевскую лавру. Для этого она ведет усиленную борьбу с монахами, живущими в монастыре. Многих монахов власть насильно заставляет идти работать на фабрики. После окончания рабочего дня им разрешалось возвращаться на ночь в монастырь. Некоторых монахов насильно выселили из монастыря и приказали уехать в другую местность. При этом никаких средств к существованию власть не предоставляет. Лишь единицы получают ничтожную пенсию на старость.

4) Указанный метод закрытия церквей описан в Обращении верующих в СССР к Всемирному Совету Церквей, проводившему одну из своих сессий в Одессе в феврале 1964 года. Обращение было нами исследовано на конференции, посвященной положению религии в СССР, созванной Южно-Калифорнийским университетом (Лос-Анжелос) в декабре 1964 года.

5) Советская Россия, от 18 ноября 1964. См. также: Прот. Константин. Атеистический негатив. Новое Русское Слово, от 1 февраля 1965г.

Сейчас у многих монахов диктатура отбирает паспорта и приказывает покинуть монастырь и город. Эти монахи ведут скитальческий образ жизни, подвергаясь преследованиям власти. На приходы они пойти не могут, т. к. многие церкви закрыты и приходов свободных нет. Монахов, отказывающихся покинуть монастырь и город, судят и сажают в тюрьмы. Некоторых, особо упорствующих, отправляют в психиатрические больницы.

Чтобы заставить монахов уйти из монастыря, власть запретила ввозить зимой топливо на территорию монастыря. Монахи жили зимой в нетопленных кельях, но не уходили из монастыря.

В Почаевскую Свято-Успенскую лавру приезжает много паломников. С этими паломниками ведётся жестокая борьба. Монастырская гостиница отобрана и в ней помещена поликлиника. Местным жителям запрещено принимать паломников на ночевку. Ночевать паломникам негде. Некоторые жители, которые брали паломников на ночевку, подвергались преследованиям власти. Их штрафовали, а у наиболее упорных отбирали дома, а также высылали из города Почаева.

Если позволяло время года, паломники устраивались на ночевку в полях или лесах под городом. Часть паломников приходила в монастырь и ложилась спать под стенами храма. Ночью приезжала милиция на грузовиках и забирала всех, кто не успел убежать. Всех забранных арестовывали, штрафовали и удаляли насильно из города. В том случае, если паломники нарушали требования милиции и снова возвращались в монастырь, их опять арестовывали и судили. Судили их по статье за нарушение паспортного режима.

В результате всех этих вопиющих насилий и безобразий, творимых диктатурой, в Почаевской лавре вместо 200 монахов, сейчас осталось 30—40 стариков. Из Почаева сообщают, что монастырские корпуса почти пусты и появляется новая опасность, что власть отнимет эти здания для своих нужд.

5. — Религиозное воспитание детей и молодежи

Усиленно борясь с религией, власть решила не допускать более религиозного воспитания детей. Советские суды сейчас широко применяют 227-ю статью уголовного кодекса РСФСР. Эта статья была изменена и добавлена на сессии Верховного совета РСФСР, которая происходила в июле 1962 года. Советская печать заявила, что все изменения и дополнения к 227-й статье были сделаны в целях усиления гарантии свободы совести, а также охраны законных прав и интересов граждан. При ближайшем ознакомлении с этими изменениями и дополнениями, указанное

заявление диктатуры выглядит несколько иначе. Статья 227-я считает преступлением следующее: «организацию или руководство группой, деятельность которой, проводимая под видом проповедывания религиозных вероучений и исповедания религиозных обрядов, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан, а равно с вовлечением в эту группу несовершеннолетних⁶⁾».

Таким образом, уголовно-наказуемым является крещение ребенка в храме, если будет как-то установлено, что это якобы вызвало неблагоприятные последствия для его здоровья. Подлежит судебному преследованию и крещение взрослых, например, в реке или в озере, если кто-нибудь из крестившихся заболел во время крещения и если крещение, в смысле его внешних условий, могло вызвать это заболевание.

Но главное заключается не в этом. Центр тяжести изменений 227-й статьи лежит в другой плоскости. Она открывает неограниченные возможности карать за воспитание детей в религиозном духе. И что это действительно так, систематически подтверждала и сама советская печать в продолжение последних трех лет.

На ее страницах мы читали, например, о члене церковно-приходского совета Кресто-Воздвиженского прихода г. Ставрополя, плотнике И. Шевченко, который своих шестерых детей воспитывал в строго-религиозном духе и выдал свою дочь за семинариста. Печать утверждает, что дочь была якобы выдана насильно. Как это могло быть — неизвестно, но газеты требовали привлечения И. Шевченко к ответственности по 227-й статье.

П. Самарцев, старообрядец, проживавший в г. Бугуруслане, воспитывал своих детей в религиозном духе. Он не разрешал им одевать красные пионерские галстуки. «Общественность» Бугуруслана потребовала от Самарцева объяснения его поведения. Дело, в конце концов, было передано в суд. Самарцеву пришлось сдаться и отказаться от дальнейшего религиозного воспитания детей⁷⁾.

Нашумевшее «дело» лесника Пустошкинского района, Псковской области, Димитрия Сохраняева, имевшее место в 1962 году⁸⁾, наглядно иллюстрирует методы борьбы с религиозным воспитанием детей в СССР. Д. Сохраняева судили за религиозное, вернее, чисто церковное, воспитание его детей. Д. Сохраняев с женой и детьми ежедневно совершали молитву, установленную Церковью, соблюдали посты, дети часто говели в местном православном храме, читали книги религиозного содержания и т. д. Это все было постепенно замечено, и местная власть обратила на Сохра-

⁶⁾ Наука и религия, № 5, 1963. Стр. 47.

⁷⁾ Комсомольская Правда, от 3 июля 1963.

⁸⁾ Сельская жизнь, от 14 июня 1962. № 138.

няева внимание. Окончательно Д. Сохраняев привел в ярость местные власти, когда дети его сняли пионерские галстуки, надели нательные кресты и отказались питаться в школьной столовой. После длинного судебного разбирательства, суд пришел к выводу, что дети Сохраняева якобы физически пострадали от постоянных постов, а также стали плохо учиться по причине психического расстройства, связанного с выполнением предписаний религии. Судебный приговор по этому интересному делу гласил: «лишить Сохраняева Дмитрия и Сохраняеву Анну родительских прав». Дети Сохраняева были отняты от родителей и переданы в государственные интернаты.

Выездная сессия Харьковского областного суда рассмотрела дело руководителей и активных участников секты пятидесятников. В чем их конкретно обвиняли, газета не сообщает. Но зато в газете было сообщено, что в процессе судебного разбирательства было установлено, что подсудимые воспитывали своих детей в религиозном духе. В связи с этим, суд постановил отобрать детей у их родителей⁹⁾.

Та же советская печать сообщила, что в Тамбовской области, в Новоурьевском районе, в нескольких религиозных семьях были отобраны дети по причине их религиозного воспитания¹⁰⁾.

В Душанбе (Таджикистан) товарищеский суд судил Г. Лизунова за то, что тот воспитывал своего сына в религиозном духе и подготавливал его на служение Церкви. На суде Лизунов защищал свои родительские права и выступил с исповеданием веры. Товарищеский суд постановил передать дело в народный суд с ходатайством лишить Лизунова родительских прав и определить мальчика в государственный интернат¹¹⁾.

Таких сообщений в советских газетах было довольно много. В продолжение последних трех лет волна подобных процессов прокатилась по всему СССР, терроризируя всех, желающих дать детям религиозное воспитание.

1962 год в вопросе религиозного воспитания принес нечто новое. В этом году всем архиереям был разослан секретный правительственный циркуляр. В этом циркуляре духовенству и церковным старостам предписывалось не допускать в храмы детей и подростков от 3 до 18 лет. Ни в коем случае не разрешалось допускать, в указанном возрасте, к Причастию. Духовенству запрещалось начинать богослужения, если в церкви в это время будут находиться дети или подростки. В случае присутствия детей или подростков в храме, предписывалось предложить им покинуть

⁹⁾ Комсомольская Правда, 21 июня 1962. № 142.

¹⁰⁾ Известия, 28 июня 1962. № 15.

¹¹⁾ Комсомолец Таджикистана, 20 мая 1964.

храм. Если они откажутся, то удалять их насильно. Ответственность за удаление детей из храма возложена на старосту.

Вот, что написано в Обращении к свободному миру верующей женщины Ф. К. Варавва.

«Даже дошло до того, что уполномоченный Логвиненко стоял у дверей кафедрального собора, смотрел чьи дети ходят в храм и ругал старосту собора Величко Силу. А тот, служитель антихриста, беспощадно гнал детей из храма. А детей, которые не подчинялись ему, брал за воротник и — об стенку головой. А настоятель кафедрального минского собора отец Михаил Чуприс помогал выгонять детей из собора»¹²⁾.

Указанное постановление неуклонно проводится в жизнь. Несмотря на протесты и просьбы родителей и желание детей посещать храмы — дети и подростки в церковь не допускаются.

Запрещено также крестить детей старше полутора лет. Если ребенок старше этого возраста, его надо отправлять домой некрещеным.

Такова реальная обстановка в СССР в отношении религиозного воспитания детей.

Власть поставила перед собой задачу — сделать новое подрастающее поколение безрелигиозным и этим подорвать корни религии в стране. Это свое решение власть выполняет весьма последовательно, не стесняясь в средствах.

6. — Преследования духовенства

В степях около Аральского моря устроен специальный лагерь для заключенного духовенства. Этот лагерь переведен из Соловков. В этом месте заключения находится около тридцати тысяч монахов, монашек и духовенства, лишенных свободы.

По всей стране прошел ряд судебных процессов над епископами и священниками, не говоря уже о многочисленных случаях внесудебной расправы над ними.

Три года тому назад архиепископ Венедикт (Поляков) был арестован за оказанное сопротивление насильственному закрытию церквей. Год назад он был освобожден, но служить ему больше не разрешили. В декабре 1963 года он скончался.

За сопротивление закрытию церквей был арестован и предан суду архиепископ Иов Казанский и Марийский (Кресович). Он был присужден к трем годам заключения. Обвинили его не в сопротивлении действиям власти, а в неправильном, якобы, расходовании церковных средств. Теперь уже архиепископ Иов освобожден, но ему не дано права служить.

¹²⁾ Посев, 7 января 1965. №№ 1—2 (972—973).

За активное сопротивление закрытию храмов архиепископ Андрей Черниговский (Сухенко) был арестован в 1961 году, получил по суду 8 лет тюрьмы и поныне находится в заключении в г. Микуль (Коми, АССР). Верующие опасаются, что из тюрьмы он живым не выйдет.

Приведенные случаи относятся к преследованиям высшей церковной иерархии.

Таким же преследованиям, по всякому поводу и без повода, подвергаются и рядовые священники, клирики и монахи.

Многие монахи Почаевской лавры уже по третьему разу сидят в тюрьме за то, что отказывались подчиниться требованию власти покинуть монастырь и выселиться вообще из города Почаева. До сих пор сидит в тюрьме иподьякон Апелий за то, что он не уходит из лавры, не желая нарушать свои монашеские обеты. За не-уход из лавры в первый раз он получил 6 месяцев тюрьмы, второй раз — 1 год и в третий раз, в январе 1964 года, он получил 2 года тюрьмы строгого режима.

Иеромонах Дионисий за неоставление Почаевской лавры по требованию власти получил год тюрьмы строгого режима.

Иподьякон Андрей той же Почаевской лавры (Анатолий Шур) за участие в составлении жалобы в ООН на церковные гонения в СССР получил 13 июля 1964 года три года тюремного заключения с отбыванием в лагерях со строгим режимом. Как стало известно, к иподьякону Андрею, во время следствия, были применены пытки, так как следователь хотел узнать имена всех участников составления жалобы в ООН.

Всеми почитаемый старец о. Иосиф из Почаевской лавры, отказавшийся по требованию власти уйти из монастыря, был избит и насильно выкинут из лавры. В лавре ему запретили жить, под угрозой ареста. Отец Иосиф, несмотря на преклонные годы, вынужден вести скитальческую жизнь.

Советская антирелигиозная литература наполнена нападками на духовенство. Его обвиняют в самых разнообразных пороках, в туеядстве, обмане трудящихся, в сребролюбии, в безнравственной жизни и т. д.

Роль священника в приходе снижена просто до роли наемного служащего. Настоятель прихода по советским законам лишен фактически каких бы то ни было прав. Все права (весьма обрезанные) переданы властью церковным старостам и советам.

7. — Преследование верующих

Преследованиям за веру подвергаются и рядовые верующие люди и особенно верующая молодежь.

Известен случай, когда в Пасхальную ночь 1964 года, в гор.

Слониме, Гродненской области, дружинники стали около храма и насильно не пропускали в церковь молодежь. Верующая молодежь не только озабочивает диктатуру, но и приводит ее в состояние неопишуемой ярости.

В советской печати недавно обсуждалось дело Олега Родионова, верующего одиннадцатиклассника 496-й школы. Он учился хорошо и был всегда одним из лучших учеников. Во время выпускных экзаменов стало известно, что Олег верит в Бога. Некоторые преподаватели, узнав об этом, изменили к нему свое отношение. Особенно стал придирается к нему преподаватель обществоведения. Директор школы, узнав, что Олег — верующий, приказал вычеркнуть его из списка награжденных заводом за хорошую работу.

Сотоварищи Олега по школе, увидев придирки и несправедливое отношение преподавателей к Олегу, возмутились этим и пошли в редакцию газеты, где и высказали свое возмущение. Выступление молодежи, пошедшей наперекор возмутительной политике власти в отношении верующих, вынесло этот случай с Олегом Родионовым на поверхность жизни¹³).

Пятнадцатилетняя Людмила О. (печать не назвала ее фамилии) училась в Тюменском техникуме советской торговли¹⁴). С некоторого времени учащиеся и администрация техникума стали замечать, что Людмила перестала посещать студенческие вечера и стала отказываться от т. н. общественных нагрузок... Выяснение всех этих обстоятельств привело интересовавшихся не совсем обычным поведением Людмилы к дверям православного храма. Людмила стала верующей и вся целиком ушла в религию. Больше того, в разговорах по этому вопросу она категорически заявила, что если ей будет предложен выбор между учением в техникуме и церковью, то она предпочтет последнее. Этот выбор и был сделан, ибо администрация техникума решила нажать на Людмилу и за ее религиозность лишила ее стипендии, якобы, за неуспеваемость. Между тем Людмила была сирота, и стипендия была единственным источником существования. По этому чувствительному месту ей и был нанесен удар для «вразумления». Однако, Людмила О. не только не «вразумилась», а предпочла свои религиозные убеждения диплому техникума и студенческой стипендии. Она ушла из техникума...

Грузчик Виктор Лебедев (город Урень) стал верующим человеком под влиянием религиозных людей. Он не захотел больше заниматься своей профессией и решил уйти из мира. Но он не мог этого сделать, т. к. был женат. Тогда он стал религиозным про-

¹³) Комсомольская Правда, 6 сентября 1964.

¹⁴) Литературная газета, 20 октября 1962.

поведником, причем деятельность его на этом поприще была довольно удачной. Но это обстоятельство повлекло за собой репрессии власти. Он получил предупреждение о невыезде из города, а затем его срочно зачислили в тунеядцы и решили выслать в отдаленные местности. Виктор Лебедев принужден был бежать¹⁵⁾.

Из советской же печати мы узнаем о безрадостной жизни верующей девушки Анны Скорик, которая все время принуждена была защищаться от нападков на нее. Она подвергалась бесконечным и разнообразным гонениям. К ним относились всякого рода «методы убеждений» в школе, которые сама советская печать признает грубыми. К ним относились: и отказ от работы, и вынужденное бегство в другой город, и возбуждение судебного дела против нее, якобы, за организацию незаконных молений здесь, и увольнение с работы ее сестры, и многое другое¹⁶⁾.

Трагическая история девушки Марфы в Почаеве свидетельствует о том, что безобразия власти дошли до своего апогея. Лишенная полицейской прописки за свою преданность Церкви, она скиталась по разным домам, т. к. не имела своего собственного пристанища. Однажды она была ночью найдена на чердаке сарая во дворе дома одной ее знакомой. Ее сбросили с чердака вниз и она сильно ушиблась. Тем не менее, она вскочила и побежала в сад того же дома. Но она была настигнута милиционерами, которые избили ее и изнасиловали. Марфа потеряла сознание. Вызванная скорая помощь доставила ее в больницу, где через некоторое время она пришла в себя. Но через очень короткий промежуток времени она скончалась от полученных повреждений. Лица, присутствовавшие при обмывании тела покойницы, утверждают, что руки у ней были выкручены, щеки были проколоты, на теле имелись следы избиения... (17)

Эти примеры можно продолжать до бесконечности. Они сводятся к непрерывному, жестокому, преступному преследованию верующих людей, особенно тех, кто проявляет твердость своих убеждений и упорствует в них. Ни о какой законности не приходится в этих случаях говорить, ибо коммунистическая диктатура в СССР — это концентрированное беззаконие, беззаконие, оправдываемое всеми теориями воинствующего коммунизма.

8. — Заключение

На тему о преследованиях религии в СССР можно написать очень много, ибо тема эта неисчерпаема. То, что приведено было в этой статье, это лишь незначительная доля того, что можно

¹⁵⁾ Советская Россия, 27 сентября 1962. № 228.

¹⁶⁾ Сельская жизнь, 28 июня 1962. № 150.

¹⁷⁾ Посев, 7 января 1965. № 1—2 (972—973).

было бы рассказать о судьбах религии в коммунистических странах. Но дело заключается в том, что подобного рода информации — не развлекательный материал и они не могут служить только объектом простого любопытства. Их надо знать для того, чтобы оказать Церкви и верующим людям в СССР конкретную помощь. А эта помощь наша может заключаться лишь в одном — в мобилизации общественного мнения западного мира на затронутых нами вопросах. Ибо диктатура весьма чувствительна к этому мнению и принуждена с ним считаться, и часто меняет свою политику в зависимости и от него.

Тяжелое время переживает Церковь в СССР. Современные власти России научились в совершенстве гнать и уничтожать религию. Но они действуют, главным образом, в пределах внешне-материальных ее форм. В духовном отношении они оказались не только абсолютно бессильны, но даже вообще до сих пор, по-видимому, не понимают, с чем они имеют дело.

Уничтожая все проявления религии, загоняя последнюю в подполье, они продолжают ежечасно, ежеминутно духовную оппозицию своей атеистической политике; чем больше нажим сверху, тем больше крепнет эта оппозиция. Это закон подобной борьбы.

Но это совсем не означает, что надо спокойно сидеть и ждать, когда в СССР закроется последний храм. Это было бы слишком трагично. И вот, чтобы это не случилось, мы стараемся довести до всеобщего сведения то, что происходит в СССР на религиозном фронте.

Голос из России

Уже не в первый раз, самыми разнообразными и неожиданными путями, доходят в Редакцию Вестника Р.С.Х.Д. приглушенные голоса из Советской России. В этом номере мы предлагаем вниманию читателей несколько стихотворений, написанных между 1946 и 1962 годом, священником, прошедшим в молодости немало лет в концентрационных лагерях. Стихи эти не блещут поэтическими достижениями, но они ценны как документ о духовной жизни в современной России.

Ред.

Ветер срывает последние листья
И наготу открывает берез.
Плачут они, оглушенные свистом,
Лужи стоят ими пролитых слез.

Это как будто бы русские девы
Обнажены воровскою рукой.
И под осенние плачут напевы, —
Кто защитит от обиды такой?

Жалко мне видеть нагими березы,
Более жаль опозоренных дев.
Осень дождливая — русские слезы,
Осень ветрастая — русский напев.

Теснятся люди у святыни,
Напор сильнее волн морских.
А в душах их — все та ж пустыня
Без веры и без дел благих.

Своих грехов не сознавая,
Они воруют благодать.
Грядет Спаситель, сострадая,
И принимает смерть опять.

Окончив путь, здесь заключенный спит.
Ель, как сестра, стоит над ним в печали.
Пришла оплакать боль его обид
В сибирские заснеженные дали.

На плечиках озябших шаль снегов
Вздул ветер, ноги ей прикрыл концами
С ресниц пушистых слезы лепестками,
Срываясь, падают...
Спи, брат, счастливых снов!

О ЛЮБВИ

О любви... Забытое словечко
Снова думают вплетать в стихи.
Юность обездолив, искалечив,
К старости выравнивать шаги?

Что сказать мне? Соловьи не пели,
Не спешил я на свиданье к ней...
Только беспокойные метели
Плакали об юности моей.

Я не знаю, помнит ли кто-либо?
Ждать не ждет. Да и устала б ждать.
Без цветов, без песен, без улыбок
Шесть уж лет.

Что мне еще сказать?

По каким нехоженным дорогам,
Прежде времени состарившись в борьбе,
Я пойду с болезненной тревогой
Крох любви вымалывать себе?

Где, кому назначу я свиданье?
Вырублен наш сад и я чужой.
Догорит заря как в день прощанья
С неразмыканной моей тоской.

А любви так хочется...

О, где Ты?

Вечер тих, как траур о любви,
Что же вы хотите от поэта,
Если смолкли даже соловьи?

Петь о том, чего не видишь в жизни,
И выдумывать любовь — вечерний бред.
Песня о любви, как укоризна,
Гневным эхом прилетит в ответ.

1954.

Глаза как ножи взиграются
И режут душу в куски.
Смеются и удивляются...
Сами же чудачки!

Заросший и бородатый,
Должно быть для них я смешон?
Как, мол, в век двадцатый
Протиснулся странный он?

Меж тем как русский исконный
Вид мой им невдомек,
Так выглядят прадеды тронно,
Врагу задавая урок.

Так вышел я против течения
Во имя Бога-Христа.
Ну, что ж, все приму в смиреньи,
Под тяжестью горбясь креста.

Смейтесь, коль вам смеется,
И удивляйтесь тому;
А все ж человек не сдается,
И вот зарос потому.

Посвящается XXII съезду К.П.С.С.

Как говорится, невинность восторжествовала,
Посмертно реабилитирован ты.
Но разве то, что душа испытала,
Реабilitируются кресты?
Все окончилось и все совершилось,
Семья отплакалась, забылась чуть.
А мне все помнится, о чем говорилось,
Глотая таежную грусть.
Мне помнятся сплошные метели,
Как мы шагали, еле держась.
И вот я дотопал все же до цели,
А твоя оборвалась связь.
А где ты лежишь? — я не знаю даже.
Ну, что мне сказать в этот памятный день?
Ты в памяти жив! — но тем горше ляжет
На сердце мертвая тень.
И тем обиднее, что ты реабилитирован,
А тебя уже нет в живых.
Наше счастье не тем числом, что ль, датировано?
Мы не дожили до себя самих?
Но пусть и так, ничего нам не надо,
Хорошо, что правда на свете есть...
Метель и усталость. Любовь и досада.
Позор, проклятье и честь.

Опять перехватило горло,
Опять вцепилась в сердце боль:
Тех лет картин еще не стерла
Подошва лет. Смотреть изволь.

Я вижу, как плетутся еле,
Не зная, где найдут приют.
Как с ног сбивают их метели
Не меньше, чем тяжелый труд.
И все страданья и печали
Напрасны были — снова там
Выхаживают те же дали,
По тем же топчутся путям.
Опять перехватило горло,
Вцепилась в сердце боль опять.
Еще тех лет картин не стерла
Подошва лет, и вновь страдать.
Неужели ничего не значат
Людские муки, и метель
Все занесет, она ж поплачет,
Закутав в белую постель?
Не может быть! — неожиданный голос,
Как крик конвоя подхлестнет.
И то, что жило и боролось,
Вновь оживет и поведет.

За всех в эти дни расстрелянных,
За мучимых всех и за них,
Кто злом пылал и расстреливал,
В ранах рваных, сквозных

Бьется сердце Спасителя,
Бьется, кровью сочась:
Люди мои, что вы сделали
Страдающему за вас?

О, Боже, прости прегрешения,
За все и за вся прости.
Согрей нас, во зле коченеющих,
В любвеобильной груди!

Великая Ектения

Молимся, Боже, мы странники горькие,
По своим землям жестоко гонимые.
Слишком у нас дни скитания долгие,
Слишком страдания неутолимые.

Господи, Боже, помилуй ны!
Молимся, Боже, о семьях оставленных,
Как они плачут, тоскуют родимые.
Молимся Боже, о всех обесславленных,
Что нам сочувствуют неустрашимые.

Господи Боже, помилуй ны!
Молимся, Боже, Тебе о расстрелянных,
О всех на тяжких работах замученных,
В шахтах, болотах, каналах рассеянных,
Верных Тебе или верить неученных.
Господи, Ты упокой их!

Молимся, Боже, Тебе о гонителях,
Все им прости, ведь они ослепленные.
Дай лишь, чтоб не было больше мучителей
И отдохнули давно утомленные.
Господи Боже, помилуй ны!

Яко десница Твоя всеблагая,
Яко держава Твоя всемогущая,
Дай, чтоб Россия, нас всех собирая,
Долю для нас приготовила лучшую.
Слава и ныне и присно. Аминь.

НАД БИБЛИЕЙ

Свящ. Георгий СЕРИКОВ

О БИБЛЕЙСКОМ УНИВЕРСАЛИЗМЕ

Тема об универсализме имеет огромное актуально апологетическое и миссионерское значение. Ибо то что нужно, интересно и касается всех, что имеет объективную, универсальную значимость, то и заслуживает нашего общего внимания. Верующие люди не имеют права не думать об их окружающих и их осуждающих атеистах. А показать универсальность Библии, это значит опровергнуть мнение, что эта книга имеет значение лишь для евреев или христиан. Нашей задачей будет показать, что в Библии говорится о **всех** людях, что над **всеми** людьми есть единый Создатель и Отец Небесный и что все люди и все творение вообще, пройдя трудный и крестный путь истории, придут к единому источнику всякого бытия — к Богу. Об этом так говорится в Евангелии: «Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Мт. XVIII, 11), «Когда Я (Христос) вознесен буду от земли, то **всех** привлеку к Себе» (Ио. XII, 32).

В Новом Завете универсализм сказывается во всей своей полноте. Но нельзя сказать, что его нет в книгах ветхозаветных и что в них все окрашено в еврейский партикуляризм, шовинизм — как то усматривают не только безбожники, но, к сожалению, часто и христиане.

Последним нужно напомнить, что Новый Завет никак не может быть отделен и изолирован от Ветхого. Только лишь обе части Библии, как две фотографии стереоскопа, дают настоящее рельефное изображение откровения Божия, и истинный христианин так же не может допустить разделения двух Заветов, как истинная мать, на суде Соломоновом, не могла допустить раздробления на две части своего младенца. «Исследуйте Писания (т. е. Ветхий Завет), — они говорят о Мне» — сказал Христос (Ио. V, 39). Ветхий и Новый Завет суть понятия коррелятивные (так же как, например, понятия «отец» и «сын»). И как нет отца, если нет сына, и нет сына, если нет отца, так же нет Нового Завета без Ветхого и нет Ветхого Завета без Нового*).

Что же касается до новозаветной полноты и ветхозаветной «недостаточности», которую приходил «восполнить» Христос (Мт. V, 17), то эта постепенность откровения никого не должна

*) Тут уместно вспомнить осужденную Церковью ересь Маркиона, отрицавшего Ветхий Завет.

смущать: «Царство Божие — а следовательно, и откровение об этом Царстве — подобно зерну, которое развивается и растет. Из того факта, что дерево не похоже на семя, не следует делать вывода, что дерево с семенем не связано, что дерево выросло само по себе, без семени, и что сила, создавшая дерево, инородна силе, создавшей семя! Христос есть сила, создавшая все в мире. Это Он заключил с людьми Ветхий и Новый Заветы и это Он их исполняет и восполняет и животворит Своим Духом. И необходимо еще добавить, что «исполнение» Закона (т. е. воли Божией о мире и человеке) еще не окончилось. «Праведный еще делает, еще не окончил делать правду свою, и святой еще освящается» (Апок. XXIII, 11), возрастает от силы в силу. «Отец Мой доныне делает и Я делаю» — сказал Христос (Ио. V, 17). «Верующий в Меня будет творить дела, которые Я творю, и больше этих будет творить (Ио. XIV, 12). Из этих слов мы видим, что в жизни — не только природной, но также и духовной, религиозной, все идет, движется, а не стоит; эволюирует, а не каменеет. И Церковь Христова не стоит, а движется, возрастает и «исполняется», т. е. наполняется и новыми членами, и зреет духовно, и «восполняя страдания Христовы» (Кол. I, 24), совершает свой крестный путь Симона Кириянина (Лк. XXII, 26). В мире, погруженном во время и в пространство, все растет и развивается. По своему воплощению, рос и мужал младенец Христос (Лк. II, 40). Алкание и жажда правды (Мт. V, 6), кроме своего печального, негативного, имеют еще и положительный смысл двигателей мира по пути к Новому Небу и Новой земле (Апок. XXI, 1, 5) (см. «Общее дело» Федорова, «Ω» Тэйар де Шардэна, «Смысл творчества» Бердяева).

О КОСМИЧЕСКОМ УНИВЕРСАЛИЗМЕ

Библейский универсализм неразрывно связан с монотеистической идеей Творца и Вседержителя мира. О Боге-Слове, Творце мира и источнике всего существующего говорится в прологе Евангелия от Иоанна (Ио. I, 3). Об «Устроителе веков» и «Творце всего видимого и невидимого» читаем мы в Послании к Евреям (XI, 3), и эта же вера в единого Творца всячески выражена бытописателем в первых словах его книги (Быт. I, 1).

Если Бог есть источник всякого бытия, то с Ним все связано и все обращено к Нему, все для Него прозрачно и все Им освящено и осмыслено. В этом духе, задолго до апостола Павла (Рим. I, 19-20), говорил уже анонимный удивительный писатель эпохи третьего Исаии: «Спроси у скота и научит тебя, — и у птицы небесной и возвестит тебе, или побеседуй с землею, и наставит тебя, и скажут тебе рыбы морские. Кто во всем это не узнает, что рука

Господа сотворила сие? В Его руке душа всего существующего» (Иов. XII, 7-10). Пророк Неемия восклицает: «Ты, Господи, Ты создал небо, небеса небес и все воинство их, землю и все что на ней, моря и все что в них, и Ты живишь все сие!» (Неем. IX, 6).

В псалмах мы имеем многочисленные свидетельства универсализма, связанного с верой в единого Творца: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его возвещает твердь» (Пс. XVIII, 2). «Благословите Господа все дела Его, во всех местах владычества Его!» (Пс. 102, 22). «Всякое дыхание да хвалит Господа» (Пс. 150, 6).

У девтеро-Исаии ветхозаветный монотеизм выражен во всей своей красе: «Я — Первый и Я — Последний (говорит Иегова), и кроме Меня нет Бога» (Ис. 44, 6). «Прежде Меня не было Бога, и после Меня не будет. Я, Я — Господь, и нет Спасителя, кроме Меня» (Ис. 43, 10-11). «Я — Первый и Я — последний. Моя рука основала землю, и моя десница распростерла небеса; призову их, и они предстанут вместе» (Ис. 48, 12-13).

Говоря о библейском космическом универсализме, связанном с идеей единого Творца, единого «Источника всяческих», об Альфе и Омеге всякого бытия, нужно подчеркнуть, что библейское понятие Творца совсем не тождественно с пантеистической или позитивистической идеей «первопричины», ибо, согласно библейской вере, Бог вовсе не находится в цепи всех причин и явлений мира. Бог не имманентен, а трансцендентен миру. Он «не от мира» и глазами мира не видим. Его связь с миром происходит через сверхразумную и неисследимую тайну творения — это специфическое библейское понятие, — и о Его промысле и о Его откровениях мы можем свидетельствовать все же не на основании эмпирического опыта с его пространственными и временными мерками, но исключительно лишь через веру, через «безумие» веры — по слову апостола. Библейское понятие Творца есть предмет веры, а не видения, предмет не естественного познания, а знания особого, сокровенного, изотерического, хранящегося в глубинах сердца (Прит. III, 5 XXIII, 26, I Ио III, 21).

Библейский космический универсализм сказывается не только в понятии «Творца», а также и в других монотеистических терминах, например, в слове «Вседержитель» (Руфь I, 20, 21, Иов VIII, 5 XI, 7 22, 17 23, 23 24, 1 33, 4 37, 23, II Кор. VI, 18 Откр. 1, 8 XI, 17 XXI, 22, «Промыслитель», «Покровитель» и других.

Итак, хотя на страницах Библии вполне ясно выражена монотеистическая вера Израильского народа, повторим то, что сказали уже в начале, что не нужно думать, что эта вера была дарована ему сразу, в готовом виде, не пройдя путь естественного развития и эволюции в истории. Та же Библия, вместе с выражением монотеизма, дает нам примеры и древнееврейского многобожия.

Так, например, в книге Иисуса Навина говорится о политеизме предков Авраама, живших в Месопотамии, и о политеизме евреев в Египте, до Моисея (Иис. Нав. XXIV, 2, 14-15). Из книги Бытия мы узнаем, что дядя Иакова, отец Леи и Рахили, Лаван еще поклонялся идолам (Быт. XXXI, 19, 30), и их украла у него Рахиль перед своим бегством в землю Ханаанскую. Только лишь приближаясь к Вефилю, Иаков побросал всех идолов, бывших у него и у его домочадцев, и обещал служить лишь Богу единому (Быт. XXXV, 1-4). Идолопоклонство процветало у евреев не только при Моисее (Числ. XXV, 2-3), но и в эпоху Иисуса Навина, несмотря на увещания вождя (Иис. Нав. XXIV, 2-23), ~~и~~ е. в XI веке. О принесении жертв идолам и в эпоху позднейшую есть свидетельство в Кн. Судей, где говорится о поклонении евреев Ваалу и Астарте (Суд. II, 13). В знаменитой песне пророчицы Деворы (Суд. V, 8) говорится об избрании евреями каких-то «новых богов» вместо прежних. Называя Израильского Бога «Ревнителем», священные писатели явно имеют в виду веру израильтян и в других богов (Наум. I, 2).

С течением времени древний политеизм народа сменяется так называемой «монолатрией», т. е. предпочтением культа Иеговы, как «лучшему из богов», но при сохранении многобожия! Иегова начинает признаваться высшим из других богов, и Ему постепенно узаконяется культ в едином храме, при Давиде и Соломоне (Пс. 95,8 94,3 134,5 135,2 137,1)... Известна ожесточенная борьба с политеизмом у пророков, начиная с VIII века.

Об эволюции еврейского монотеизма нам нужно говорить потому, что с нею связана и эволюция универсализма. Никакой универсализм, конечно, не мыслим не только при вере во многих, враждующих между собою богов, но даже и при дуализме. Универсализм не мыслим при вере в два борющихся друг с другом начала — света и тьмы (Ормузда и Аримана), при вере в совершенство рая и ада, предельный монотеизм и связанный с ним предельный эсхатологический универсализм приводят к идее апокатастасиса (Ориген, Григорий Нисский).

Констатируя библейскую эволюцию монотеистического верования, чем же объяснить, что с самого начала Библии — как мы видим по цитатам — уже сказывается чистая вера в Единого Бога? Это объясняется тем, что книги Библии были собраны совсем не в хронологическом порядке их написания. Так, например, Пятокнижие составлено и отредактировано было уже в послевоенную эпоху. Псалмы, наполненные верой в единого Творца вселенной (Пс. XXIII, XXXII, 102, 103, 150...), книга Иова, девтеро и трито-Исаия, Кн. Притчей с ярко выраженным монотеизмом — очень позднего происхождения. Поэтому нельзя написать историю еврейского мировоззрения и историю ветхозаветного универсализма,

основываясь на «Каноне» Священного Писания, т. е. на том порядке, в котором расположены у нас книги Библии. Монотеистический универсализм вкраплен в Библию, как звезды в черноту неба.

Библия повествует нам, что созданный Богом и приведенный из хаотического состояния космос когда-то опять отпал от Создателя, погрузился «во зло», и первозданная райская гармония была разрушена. Это отпадение совершилось не без участия человека, носящего в себе весь космос (микрокосм). Поэтому все творение, «стена и мучаясь», от человека ожидает своего «освобождения от рабства тлению» (Рим. VIII, 19-22). Но об универсализме антропологическом мы будем говорить во второй части нашего изложения. Сейчас же мы остановимся на том событии, связанном с разращением человечества на земле (Быт. VI, 5), на той огромной катастрофе, которая называется «Всемирным Потопом», и о том **космическом завете**, который за этой катастрофой последовал.

Библейский миф о «Всемирном», общепланетарном потопе имеет универсальное значение не в пространственном и не в количественном смысле слова, но в смысле моральном и качественном. А именно, «всемирность» потопы не означает, что все творение Божие было уничтожено (ведь Потопом не было уничтожено ничто из живущего в воде!). Да и все взятые в ковчег животные (по семи пар «чистых» и по две пары «нечистых», для сохранения их рода на земле (Быт. VII, 3), указывают нам, что цель Потопа была не уничтожение, а **очищение** живущего. И в смысле географическом, совсем не обязательно «всемирность» потопы понимать буквально и наивно. Поэтически-образный язык Бытия позволяет нам допустить гипотезу ученых об огромном местном наводнении, причиненном разливом Тигра и Евфрата. Однако это естественно-научное объяснение Потопа ничуть не умаляет его универсально-религиозного смысла: Потопом наказывается грешное человечество и сохраняется, выделяясь, его святой «остаток» в лице Ноя и всего взятого им в Ковчег. Нужно подчеркнуть, что именно **все** лучшее и святое из живущего сохраняется. Уничтожение Богом Им Самим созданного мира противоречило бы всей библейской софиологии: и библейское «добро зело» (Быт. I, 31) и библейская «Художница»-Премудрость, бывшая при Творце «в начале путей Его при создании мира» (Притч. VIII, 22), и библейское уверение, что Бог «смерти не создал, ибо Он все создал для бытия» (Прем. Сол. I, 14), и евангельское откровение о предвечном Слове Божием, через Которого «мир начал быть» (Ио. I, 10), т. е. предвечная Премудрость Божия, имеющая в Себе начало и конец всего, что было и что будет, и любовь Божия к миру, ради спасения которого Он посылает Сына Своего едиnorodного (Ио. III, 16/ I Ио. IV, 9-10), — все это не вяжется с идеей Всемирного уничтожения и с анало-

гичной идеей вечных мук, но и то и другое есть лишь диалектический антитезис Божественной, кенотической любви: «Бог так любит мир, что отдает Сына Своего Единородного на истощание и распятие», — этому может быть противопоставлена лишь наша смерть и наше уничтожение погибающего зерна:

«...И не постигнешь синего Ока
Пока не станешь сам, как стезя...
Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь истоптан в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь
И не поблекнешь, как мертвый злак!» (А. Блок)

В связи со Всемирным Потопом, как наказанием за грех, встает большая, универсально-религиозная проблема о связности греха с наказанием и праведности со спасением — проблема Иова.

Так как эта проблема одна из самых существенных в жизни человечества, то необходимо на ней остановиться.

Действительно ли существует эта связь? Нужно ли, чтобы Бог наказывал грех и награждал праведность? Да, нужно! — так мы этого хотим. Да, это требует наша религиозная логика, наша ветхозаветная, допотопная мораль. С этой точки зрения Потоп был естественным, логичным следствием всеобщности, универсальности греха. «Воззрел Бог на землю, — и вот она растленна: ибо всякая плоть извратила путь свой на земле» (Быт. VI, 12). Естественным, логичным следствием этого универсального растления было так сказать «раскаяние» (Быт. VI, 6) Господа, что Он создал человека на земле, и Он сказал при этом: «Истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов и гадов и птиц небесных истреблю; ибо Я раскаялся, что создал их». «Конец всякой плоти пришел пред лицо Мое: ибо земля наполнилась от них злодеяниями» (VI, 13). «Я наведу на землю потом водный, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами, все, что есть на земле, лишится жизни (VI, 17). От гибели сохранился лишь праведный Ной. Сохранился он, как об этом говорит нам ап. Павел в послании к евреям (XI, 7), — за свою веру, которою он осудил весь мир, впадший во грех. Религиозная логика Ноя и его осуждение греховного мира, есть логика законническая, ветхозаветная в самом полном смысле этого слова — грех должен быть наказан и уничтожен, и праведность должна быть награждена и спасена. Мир гибнет, и Ной спасается! Ветхозаветная допотопная религиозная логика, однако, со временем потерпела изменение и ее сменила логика иная. Столь иная и революционная, что с точки зрения прежней логики, она выглядит, как нелогичность, как «скандал», как «безумие». После Всемирного Потопа Бог «вспомнил» о Ное, и о всех зверях, и о всех

скотах, бывших с ним в ковчеге, и навел Бог ветер на землю, и воды остановились» (Быт. VIII, 1). И Бог не только остановил Потоп, но «сказал в сердце Своем: «Не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышления сердца человеческого — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал» (Быт. VIII, 21).

И заключил Бог Завет, Завет космический, не только с человеком, но и со всякой плотью, что больше никогда не будет потопа, наказующего и истребляющего, и что, следовательно, начнется новая эра на земле, эра, в которой эта связность греха с наказанием и святости с благополучием будет разрублена: дождь будет посылаться и на праведных и на нечестивых, и солнце будет восходить и над добрыми и над злыми» (Мт. V, 45).

Нечестивый и проклятый отцом Хам (Быт. IX, 25) будет населять землю и пользоваться ее благами не меньше, чем Иафет и Сим (Быт. X). Праведный Иов будет «несправедливо» страдать, и Тот, Кого он прообразовал, будет распят на кресте, и Его последователей, учеников, будет ожидать та же «несправедливая», нелогичная и «безумная» участь: «Меня гнали — будут гнать и вас» (Ио. XV, 20) — предвидел Спаситель.

После Потопа был заключен Богос с людьми Завет, учитывающий силу и универсальность греха, но, вместе с тем, космический Завет терпения, снисхождения и любви; Завет, цель которого не уничтожение грешников, а их **спасение**. Этот Завет Новый, послепотопный, выражается в словах Христа: «Я пришел не судить мир, но **спасти**» (Ио. XII, 47). Сын Божий, приходивший на землю, хочет спасти не только Ноя и тех кто в ковчеге (т. е. в Церкви), но хочет, чтобы спаслись **все** люди (I. Тим. II, 4) и достигли познания истины.

В этом новом послепотопном космическом Завете разорвана логическая связь греха с наказанием.

О всеобщем спасении и восстановлении у нас будет речь впереди. Но уже сейчас уместно сказать, что истинность христианской религии неразрывно связана с **универсальностью** ее идей вообще и, в частности, с универсальностью идеи спасения. Если не все, сотворенное Богом, спасется, то это наводит на мысль о возможности божественного «раскаяния» — уже не мифологического, не образно-пророческого, что мы имеем в Быт. VI, 6, — но на этот раз настоящего, анти-софийного, анти-религиозного, безбожно-дьявольского. Да не будет!!

Ап. Павел — этот гениальнейший христианский мыслитель — чувствуя, что в новозаветном человеке, в человеке, основывающем все на любви, теплится еще (и может-быть всегда будет теплиться) ветхозаветная «справедливость» и требование расплаты за содеянный грех, ап. Павел, веря сам во всеобщее спасение, го-

ворит людям, сомневающимся в этом и утверждающим логическую невозможность греха, что «Бог может сделать несравненно больше того, что мы, люди, (с нашей логикой) просим и о чем помышляем!» (Еф. III, 20).

Логика человеческая приводит к уничтожению, а любовь Божия приводит ко всеобщему очищению, жертве и спасению.

Другая проблема встает в связи с Потопом: наказание Богом животного мира (и можно сказать, вообще космоса) делается в связи с грехом человека-Адама. И Завет Бога со всем живым, и обещание больше не истреблять всего творения заключается в связи со спасением человека-Ноя (Быт. IX, 11). Тут ясно утверждается мировая антропоцентричность. Весь мир заключается в человеке. Человек есть микрокосм, и владеет над всею землею (Быт. I, 26), и все остальное творение отдано в руки человека. Человек есть цар вселенной, и вся тварь от него ожидает спасения, — как об этом говорит ап. Павел (Рим. VIII, 23); таким образом, универсализм космический находится в связи с универсализмом антропологическим, — о чем мы и будем говорить в следующий раз.

(Продолжение следует)

Н. КУЛОМЗИН

ПАМЯТИ ЕПИСКОПА КАССИАНА

29-2-1892 — 4-2-1965

Епископ Кассиан (в миру Сергей Сергеевич Безобразов) родился в Петербурге 29 февраля 1892 г., в день памяти Кассиана Римлянина, насадителя восточного монашества на Западе в IV веке. Родителями его были сенатор Сергей Васильевич Безобразов и Вера Антоновна, рожденная Арцимович.

Годы молодости

В 1910 году Сергей Сергеевич окончил СПб первую гимназию с золотой медалью и в 1914 г. СПб университет по историческому отделению Историко-филологического факультета. В том же году он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории Церкви, по представлению профессоров И. В. Андреева и И. М. Гревса, и сдал к весне 1917 г. магистранские экзамены по разряду всеобщей истории. 21 октября того же года он был избран, по прочтении пробных лекций, приват-доцентом университета по кафедре истории

Церкви, а осенью 1918 г. — преподавателем высших женских курсов (Бестужевских) по кафедре истории Церкви и религии, и занимал эту должность до слияния курсов с университетом.

С осени 1914 г. Сергей Сергеевич состоял, кроме того, на службе в отделении Богословия Императорской (впоследствии Российской) Публичной Библиотеки и дослужился до должности старшего помощника Библиотекаря. Здесь, в Библиотеке, его первым начальником по службе был Антон Владимирович Карташев, служивший в ней с 1905 г. и поставивший Богословское отделение на большую высоту, как о том свидетельствовал впоследствии владыка Кассиан. Уже за границей, на Сергиевском Подворье, владыка Кассиан и Антон Владимирович сотрудничали в течение более чем 35 лет, и дружба обоих, начавшаяся в 1914 г., когда Владыке было всего лишь 22 года, оказалась прочной и верной до конца.

Учебный год 1920-21 Сергей Сергеевич проводит в Ташкенте, как профессор вновь открытого туркестанского государственного университета по кафедре истории религий, сохраняя в то же время и свою преподавательскую должность в Петроградском университете, но в августе 1921 г., по возвращении своем из Ташкента, был отстранен от преподавания в Петроградском университете, распоряжением Советской власти, одновременно с профессорами Бенешевичем, Глубоковским, Лосским и др. В 1921-23 годах он читал лекции по истории культуры в нескольких высших учебных заведениях Петрограда и был привлечен к преподаванию в Петроградском Богословском Институте, основанном трудами митрополита Петроградского Вениамина и Правлением Общества Приходов, на месте закрытой Советской властью Духовной Академии. В Петроградском Богословском Институте, в жизни которого Сергей Сергеевич принимал деятельное и разнообразное участие, он читал историю религий, а летом 1922 г. вел семинар по Священному Писанию Нового Завета.

В эти годы, со стороны Советской власти уже начались гонения на Церковь. В 1922 г. был объявлен декрет об «изъятии церковных имуществ» в пользу голодающих. Митрополит Вениамин, управлявший тогда Петроградской епархией, ответил на требования Советской власти письмом, указывая, что Церковь готова пожертвовать для спасения голодающих всем своим именем, но что верующие должны отдавать его сами, добровольно, и участвовать в контроле над расходом церковных ценностей. Митрополит просил также, чтобы там, где верующие того пожелают, они могли заменять священные предметы соответствующим количеством денежной суммы. Советская власть усмотрела в этом ответе протест и объявила митрополита «врагом народа», посадила его под домашний арест и начала против него судебный процесс, начавшийся

10-го июня 1922 г. и окончившийся приговором митрополита (в числе 10 других лиц) к расстрелу.

На процессе присутствовал Сергей Сергеевич и слышал последние слова подсудимого: «Я не знаю, что вы мне присудите — жизнь или смерть, — но что бы вы ни провозгласили, я с одинаковым благоговением подыму свои очи к небу, возложу на себя крестное знамение и скажу: «Слава Тебе, Господи, Боже, за все»¹⁾).

Эти слова врезались в память Сергея Сергеевича, и в течение всей своей жизни он не раз их повторял в назидание и подкрепление. В эту грозную эпоху само присутствие Сергея Сергеевича на процессе являлось уже героическим актом. После процесса Сергею Сергеевичу удастся пробраться нелегально за границу.

Первые шаги за границей (1922—1925)

За границей, мы встречаем Сергея Сергеевича в Белграде, где он учителствует в тамошней Русско-Сербской гимназии и, кроме того, активно участвует в жизни Церкви.

Он посещает, в Белграде, так называвшийся «Серафимовский кружок», собиравшийся в доме семьи Зерновых. Там, он встречается с некоторыми из своих будущих коллег по Институту в Париже, с Константином Эдуардовичем Керном (впоследствии архимандритом Киприаном, профессором Патристики, скончавшемся в 1960 г.) и с Николаем Николаевичем Афанасьевым (ныне протопресвитером, отцом Николаем, профессором истории Церкви и Канонического права). Кружок посвящен изучению и углублению Православия; память о нем должна сохраниться как свидетельство религиозных и духовных стремлений молодого тогда поколения русского зарубежья. Кружок этот посещали такие люди, как митрополит Антоний (Храповицкий), епископ Николай Охридский и др. В нем участвовал и Василий Васильевич Зеньковский (ставший священником лишь позже, в Париже).

В эту эпоху Сергей Сергеевич участвует на нескольких съездах молодежи. У многих еще живо остались в памяти два съезда в Чехословакии, в замке Пшерове, на которых участвовали о. Сергей Булгаков, философы Семен Людвигович Франк, Василий Васильевич Зеньковский; на этих съездах Сергей Сергеевич заново встречается с Львом Александровичем Зандером, который, как и Сергей Сергеевич, служил в начале войны, в Публичной Библиотеке в С. Петербурге. На обоих съездах в Пшерове (1923—24) организована кружковая работа молодежи, вылившаяся впоследствии в «Русское Студенческое Христианское Движение».

В праздник Сретения Господня 1924 года митрополит Антоний (Храповицкий) посвящает Сергея Сергеевича в чтецы.

1) Цитировано по учебнику русской истории Юрьевой, И.

Осенью 1925 г., в Хопове, имеет место последний съезд молодежи, на котором участвует Сергей Сергеевич перед своим отъездом в Париж, где перед ним открывается новый и плодотворный путь, которому он остается верным до гробовой доски.

Довоенные годы в Институте

Весной 1925 года, то есть ровно сорок лет тому назад, по почину митрополита Евлогия, учреждается на купленной им земле Сергиевского Подворья, Православный Богословский Институт, и Сергей Сергеевич приглашается занять в нем кафедру Священного Писания Нового Завета. 1 февраля 1926 г. он переселяется в профессорский дом.

В начале Сергей Сергеевич принимает на себя должность секретаря Института, но уже в 1926 г. он от нее освобожден и сосредоточивает все свои силы на профессорском и ученом труде.

20(7) июня 1932 г., в день Святого Духа, Сергей Сергеевич пострижен митрополитом Евлогием в храме Сергиевского Подворья в монашество с именем Кассиана. В последующие дни отец Кассиан рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. На Рождество Христово 1934 г. он возведен в сан игумена и на тот же праздник в 1936 г. — в сан архимандрита.

Его отличное знание языков, как древних, так и современных, позволяет ему быть в курсе всей инославной новозаветной науки. Благодаря большой работоспособности он приобретает широкую эрудицию и становится, уже тогда, высококвалифицированным специалистом своего предмета.

Между 1928 и 1939 годами им написан ряд серьезных статей в русских журналах «Путь», «Православная мысль», а также немецких, английских и греческих, среди которых особого внимания заслуживают две статьи: «Евангелисты как историки» («Русская Мысль» № 1, 1928) и «Завещание иудео-христианства» («Русская Мысль» № 2, 1930). В те же годы выходит его первая книга на французском языке: «La Pentecôte johannique (Jo. XX, 19-23) (Valence-sur-Rhône, 1939)». Позже, сам Владыка говорил и писал, что от многого в этом своем первом труде он готов отказаться. Несмотря на это, книга содержит в ее основе глубокую богословскую проблему и вряд ли останется без внимания будущих ученых новозаветников.

Об интенсивной работе архим. Кассиана, в то время, свидетельствуют записи его лекций на Евангелия от Марка, Матфея и Луки, содержащие очень богатый материал, к сожалению, не переработанный для печати.

Кроме того, в качестве профессора Института, архим. Кассиан активно участвовал в работе на пользу сближения Православия и

Англиканства, а затем выступил и на более широком экуменическом поприще. Летом 1934 г. он читал лекции о Православии студентам богословам разных христианских исповеданий в Женевском экуменическом семинаре; летом 1937 г. принимал участие в мировой конференции в Эдинбурге по вопросам веры и церковного устройства; летом 1939 г. — в мировой конференции христианской молодежи в Амстердаме, где выступал в качестве православного лектора. Надо указать и на его участие в очень многих других конференциях, имевших место в разные сроки во Франции, Великобритании, Югославии и Швейцарии. Как член временного комитета Мирового Совета Церквей, архим. Кассиан принимал участие в его заседаниях в St. Germain en Laye, в январе 1939 г., и в Женеве, уже после войны, в 1946 г.

А ф о н

В августе 1939 г. архим. Кассиан предпринял паломничество на Афон, где и был задержан помимо своей воли войною. Годы войны и оккупации он провел в русском монастыре св. великомуч. Пантелеимона и был зачислен в состав его монашеского братства. На Афоне архим. Кассиан приобретает более богатый монашеский опыт и, кроме того, создает себе среди греческого духовенства много верных друзей. Одновременно он овладевает с легкостью ново-греческим языком. Но там же его постигает глубокое личное горе: трагически погибают его сестра с мужем и малолетним сыном, убитые разбойниками в деревне около границы Афона, куда их устроил сам архим. Кассиан.

На Афоне архим. Кассиан имеет возможность посвятить себя работе над своей докторской диссертацией, озаглавленной «Водою и кровью и Духом», посвященной изучению богословия о Духе Святом в Евангелии от Иоанна. Архим. Кассиан обращает в ней внимание читателя на образ воды, проходящий красной нитью через все Евангелие: «крещение Иоанново, Кана Галилейская, рождение от воды и Духа, беседа с самарянкою у колодца Иаковлева и обетование воды живой, повторение обетования в последний великий день праздника Кушней, исцеление больного у Овчей Купели, упоминание Силоама в рассказе о слепорожденном, омовение ног, истечение крови и воды и прободенного тела распятого Господа...» Раскрытие образа воды в Иоанновской письменности архим. Кассиан находит в I послании Иоанна, в знаменитом тексте об «Иисусе Христе, пришедшем водою и кровью и духом, не водою только, но водою и кровью» (I Ио 5, 6-8). К сожалению, работа осталась ненапечатанной, хотя и готовой к печати. Впрочем, была издана его вступительная речь при защите диссертации («Прав. Мысль» № 6, 1948).

Вообще, всеми признано, что архим. Кассиан в эту эпоху своей жизни дошел до высот богословского созерцания именно в связи с Иоанновской письменностью.

Еще до войны, наряду с синоптическими Евангелиями архим. Кассианом был составлен и записан курс на Ев. от Иоанна. Впоследствии этот первоначальный набросок был им переработан перед смертью и от руки, уже неразборчивым почерком, переписан. Ныне рукопись заботами Павлы Полиевктовны Карташевой, вдовы Антона Владимировича, готовится к печати и, можно надеяться, будет вскоре издана.

На Афоне архим. Кассиан начал и другой свой капитальный труд о троическом богословии в Новом Завете. Работа озаглавлена: «Бог — Отец»; в ней закончены лишь несколько глав и она хранится по сей день лишь в рукописи.

Послевоенные годы в Институте

По окончании войны, в 1946 г., с благословения Святой горы и не выходя из братства Пантелеймоновского монастыря, архим. Кассиан возвращается к своей прежней деятельности в Париже и вновь вступает в свои обязанности по кафедре Священного Писания Нового Завета в Богословском Институте, где во время его отсутствия лекции по Новому Завету были поручены доценту Богословского Института Феодосию Георгиевичу Спасскому.

29 июня 1947 г. архим. Кассиан защищает свою докторскую диссертацию при Институте; в качестве оппонентов выступают Антон Влад. Карташев и архим. Киприан (Керн). Вскоре после защиты, 28 июля того же года, архим. Кассиан, по благословению Вселенского Престола, хиротонисан митрополитом Владимиром (в сослужении с епископом Иоанном (Леончуковым), тогда наместником Сергиевского Подворья, и еписк. Никоном (Гревэ) во епископа Катанского и избран ректором Богословского Института. В том же году умирает еп. Иоанн и Владыка Кассиан назначается митрополитом Владимиром наместником Сергиевского Подворья. Ректором Института, Профессором Нового Завета Владыка Кассиан остается до конца жизни.

В 1946 г., в октябре месяце, собирается, после кончины митрополита Евлогия, епархиальное собрание, на котором архим. Кассиан принимает живое участие. На этом памятном и знаменательном собрании, после периода мучительных предсмертных колебаний митрополита Евлогия, судьба нашей епархии, под водительством митрополита Владимира, заново утверждается в качестве экзархата Вселенского Престола. На этом собрании архим. Кассиан выбран членом епархиального совета при Экзархе. В качестве викарного архиерея он вскоре становится членом епархиального

совета уже «de jure». Во всю последующую эпоху своей жизни влад. Кассиан выявил себя очень ярким защитником нашей верности Вселенскому Престолу. В дальнейших судьбах нашего экзархата Владыка очень многое близко принимает к сердцу, многое его подчас предельно волнует и, может быть, в конце концов и подрывает его силы....

После войны выходит в свет первый уже более крупный труд влад. Кассиана: «Христос и первое христианское поколение» (1950), объемлющий весь новозаветный материал в старой форме и вышедший в свет в результате переработки лекций, предназначенный слушателям первого курса. Книга эта, до сих пор находящаяся в продаже, заслуживает особого внимания. Первая ее часть содержит евангельское повествование о Христе, где владыка строго различает последовательные этапы земного служения Господа: Крещение, Галилейский период; затем, после исповедания Петра, путь Господень на страсти; наконец, вход в Иерусалим и последние события. Вообще, редкому экзегету удастся усмотреть последовательное развитие учения Христова и выявить постепенность приготовления учеников к уразумению смысла мессианского служения Господа. Во второй части книги, посвященной истории первохристианской Церкви, Владыка разбирает содержание всех новозаветных книг в их исторической последовательности.

Методом своего изложения он учит нас правильному православному пониманию богодухновенности Свящ. Писания: богооткровенные истины, выраженные боговдохновенными писателями, прошли через религиозный жизненный опыт их авторов: те или иные книги Нового Завета отражают личность их боговдохновенных писателей. Кроме того, послания Павла, написанные в начале служения, отличаются от более поздних писаний того же апостола. Изучение богословского содержания Писаний не исключает, но допускает и предполагает историческое исследование. Более подробно православное учение о богодухновенности Св. Писания изложено вл. Кассианом в статье: «L'étude du Nouveau Testament, dans l'Eglise orthodoxe», Bulletin de la Faculté libre de théologie protestante de Paris, No. 55, Sept. 1956.

Представляют собой большую ценность ряд статей Владыки на отдельные библейские темы; еще в 1948 году вышла отдельной брошюрой статья «Царство Кесаря перед судом Нового Завета», где затрагивается тема об отношении Нов. Завета к светской власти. Очень часто верующие, а иной раз и именующие себя богословами, на основе какой-нибудь определенной цитаты, например: «несть власти, аще не от Бога», строят целое мировоззрение. Владыка Кассиан учит нас прорабатывать темы сквозь все новозаветное писание.

Некоторые крупные статьи были связаны с его экумениче-

ской деятельностью. В католическом журнале «Istina» сохранились полные отчеты о двух встречах православных с католиками; Владыке принадлежат в них две статьи на тему о «Filioque» и о примате Петра. Полемическое острие самих тем выходит за рамки библейского богословия; поэтому обе статьи, которые являются чисто библейскими изысканиями, не содержат исчерпывающего апологетического материала на данные темы.

Очень большого внимания заслуживают доклады, прочитанные на Литургических Съездах, имеющих место каждый год на Сергиевском Подворье. Некоторые из них были напечатаны, другие лежат в рукописях. Упомянем из них одну, озаглавленную «Jésus le Précurseur» (напечатанную в греческом журнале «Théologia» XXVII, 1956). В ней Владыка касается толкования послания к Евреям; особо останавливаясь на тексте Евр. VI, 19-20, он дает очень интересное освещение всего послания. Было бы интересно эту статью переиздать для более широкого распространения.

Очень интересны и важны еще две его статьи на тему об усыновлении и обоении по Нов. Завету: «The Family of God» в Ecumenical Review, Jan. 1957, а также более старая статья: «Le Fils et les Fils, le Père et les Frères» (étude sur Rom. VIII, 29-30) in Paulus-Hellas-Oikoumene, Athenes, 1951. 2).

В 1951 г. Британским Библейским Обществом Владыке Кассиану был поручен пересмотр перевода Священного Писания Нового Завета на русский язык. Для осуществления работы епископ Кассиан уезжает на полтора года в Испанию, где уединяется в маленькой деревушке на берегу Средиземного моря, и там переводит заново весь Новый Завет, составляя попутно комментарий, оправдывающий каждое изменение текста. По возвращении Владыки из Испании, по почину того же Библейского Общества, была собрана комиссия для окончательного пересмотра перевода. В комиссию вошли А. В. Карташев, Б. К. Зайцев, В. П. Раевский, пастор Васильев и др. По мере нужды, в комиссию были приглашены и новые члены (о. Алексей Князев, проф. Ветхого Завета в Институте, о. Илья Мелиа и др.). В 1958 г. вышло в свет четвероевангелие, пополненное в 1960 г. книгой Деяний Апостолов. Собираясь регулярно каждую неделю, комиссия окончила свою работу в июне 1964 г., и в скором будущем выйдет в свет уже полное издание всего Нового Завета. Мы надеемся на страницах «Вестника» в особой статье и более подробно рассказать о проделанной работе, о ее методах, целях и значении.

2) Полный список произведений в List of the writings of Professors of the Théological Orthodox Institute 1925-48. (Новое издание готовится к печати).

Кроме научного творчества, Владыка Кассиан, в годы после войны, продолжает посвящать свои силы экуменической деятельности: он участвует на первой Ассамблее Мирового Совета Церквей, состоявшейся в Амстердаме в 1948 г. Он неизменно выступает в день трех Святителей на Серг. Подворье с речью перед католическими и протестантскими приглашенными. Иной раз, его выступления были крайне острыми и смелыми, подчас вызывали и прямой протест, как например в 1951 году (перед отъездом в Испанию).

Много раз ему приходилось, по вызову Святейш. Патриарха Афинагора, ездить в Константинополь (1951, 1954, 1958), где, в 1954 г., он прочел серию лекций студентам богословской школы в Халки. В 1951 г. он посещает Финляндию и Православный Восток (Ливан—Сирию).

Состоя членом «*Studiorum Novi Testamenti Societas*», он дважды выступает на собраниях Общества. В 1957 г. принимает деятельное участие в конгрессе «*The Four Gospels*», состоявшемся в Оксфорде.

В 1961 году, по случаю Паламитских торжеств, Владыка получает степень доктора «*honoris causa*» Фессалоникского Университета.

В конце жизни он приглашен на второй Ватиканский собор, в качестве гостя Секретариата по делам единения Церквей.

Здесь дает себя знать впервые надвигающийся недуг. На третью сессию владыка едет через силу; по возвращении, осенью 1964 г. он еще находит в себе силы читать лекции студентам в течение двух недель.

Весть о кончине его друга Льва Александровича Зандера застаёт Владыку уже в клинике. Скончался Владыка Кассиан 4 февраля 1965 г. в день памяти Апостола Тимофея.

С Владыкой Кассианом ушла еще одна из крупных фигур русского рассеяния. Но его имя сохранится не только в уже богатых анналах русской зарубежной мысли, его труды пойдут на пользу всему православному миру.

Никита СТРУВЕ

Памяти Ф. А. Степуна

ЗА МЕСЯЦ ДО СМЕРТИ...

Мне выпало счастье побывать у Феодора Августовича всего за месяц до его смерти. Впечатление, оставленное этим посещением, столь сильно врезалось в память, что я позволю себе поделиться им.

Я приехал в Мюнхен читать лекцию в Баварской Католической Академии о гонениях на русскую Церковь. В тот же самый день и час, Ф. А. читал почти на ту же тему балтийским студентам на другом конце города. И все же, к концу доклада, я вдруг заметил в первом ряду знакомую по давней мимолетней встрече фигуру Ф. А. Это неожиданное появление меня необычайно тронуло и наполнило чувством глубокого уважения и восхищения: 81 год, а сколько жизни, сколько простоты и щедрости, — после собственной лекции пересечь весь город, чтобы приветствовать гостя из Парижа, почти на полвека моложе его самого. А затем Ф. А., как-то естественно, без особых приглашений, увлек к себе на чашку чая, несмотря на поздний час, небольшую группу русских друзей, здесь собравшихся.

Ф. А. нас опередил. Когда мы вошли в теперь опустевшую и никому не нужную квартиру, а тогда такую теплую и живую, с ее фотографиями, книгами, большим портретом Соловьева, Ф. А. уже накрывал на стол, расставлял чашки, как заправская хозяйка, неторопливо хлопотал. Большой, чуть грузный, с определенными чертами лица, добрыми, умными, немного грустными глазами, Ф. А. стоял посреди комнаты и как-то светился изнутри светом человека, неущербно дошедшего до предела жизни...

Беседа полилась непринужденно — о том, о сем, но главным образом о «безднах», привлекавших Ф. А. загадочностью и роковым для России значением. Об эротических безднах Вл. Соловьева, который, по мнению Ф. А., был не столь благополучен, как его описывали Мочульский или Зеньковский, о «срывах» Блока, Белого, даже Вячеслава Иванова, и, наконец, о той главной «бездне», соединившей нас в Мюнхене, о бездне греха, провиденной Достоевским и отверзшейся в России XX столетия. А рядом с хождением по безднам — мысль о них доставляла Ф. А. некоторое упоение — вспоминаю, с какой теплотой и сердечностью Ф. А. говорил о неприхотливых мюнхенских буднях, о скудной, но в своей основе самой существенной церковно-приходской жизни, о смиренном эмигрантском быте... «Бездны и быт» — в этих двух

полярных мироощущениях был весь Ф. А., как, может быть, и вся прошлая Россия.

Не раз мы подходили к полкам, перебирая заветные книги: «Столп» Флоренского, переписку Белого с Блоком со знаменательной фотографией: Сережа Соловьев и Белый в щегольском платье за столом, на котором лежит Библия, и рядом с ней портреты Любови Дмитриевны и Вл. Соловьева — опять непонятные русские бездны и соблазны. Одну книгу — любимую — Ф. А. не сразу узнал по немому корешку и тихо произнес: — Значит, скоро умру.

А жил он, по крайней мере для внешних, полной жизнью. Тайком от доктора ездил верхом, собирался в Париж, имел уже ангажементы на лето; но в том внутреннем свете, который из него непрерывно изучался и так согревал, — мне и тогда показалось — было уже что-то потустороннее.

Прощаясь с Ф. А., я с полной искренностью сказал ему слова, которые могли прозвучать как вежливая лесть: «Для одной встречи с вами стоило приехать в Мюнхен». А теперь эти слова звучат во мне еще правдивее, и я с чувством глубокой благодарности вспоминаю об этой встрече.

Ф. А. СТЕПУН*)

1884 — 1965

Философ и публицист, социолог, юрист, историк и поэт, Федор Августович Степун обладал ораторским даром такой магической силы и обаяния, который привлекал и захватывал слушателей в течение десятилетий, а универсальное значение его личности представляло собой совершенно исключительное явление, способствовавшее отражению духовной жизни в Германии.

23 февраля, через четыре дня после того, как ему исполнился 81 год, Федор А. Степун скоропостижно скончался в Мюнхене.

Ф. Степун соединял в себе русскую и немецкую кровь. Сын промышленника из Прибалтики, он родился в Москве и поблизости от нее, в родительском имении, провел все свое детство. По окончании реального училища в 1903 году он уехал в Гейдельберг, чтобы заняться изучением философии, и соприкоснулся там с основными философскими течениями того времени: неокантианством, прагматическими идеями и марксистской теорией. Не остался он чужд и немецкой романтики, которая наложила на

него свой отпечаток. Со всей присущей ему страстностью он открыто восстает против марксистских идей, но ответственность за социальные и политические проблемы возлагает на интеллигенцию, которую сурово обвиняет в социально-политическом индифферентизме.

После 14 семестров, проведенных в Гейдельберге, он защищает свою докторскую диссертацию о Влад. Соловьеве, после чего отправляется путешествовать по Франции и Италии. В 1910 году он начинает издавать на четырех языках журнал «Логос». Вернувшись в Россию, он посвящает себя академическим трудам и с 1910 по 1914 год преподает в Московском Народном Университете, разъезжая, вместе с тем, по России для чтения лекций.

Во время войны 1914 г., будучи офицером запаса, он прикомандировывается к одной из сибирских артиллерийских частей, едет на фронт и в 1915 г. получает серьезное ранение. Когда вспыхивает революция, он становится сначала членом совета рабочих и солдатских депутатов, а затем начальником военного отдела, при временном правительстве Керенского. В день большевистского переворота его арестовывают, но ему удается бежать. Некоторое время он еще числится в Красной Армии, но затем начинает работать по организации театрального драматического искусства. В 1922 году эта его деятельность заканчивается и, как «представитель западной идеологии», он подлежит высылке.

Сначала Ф. Степун едет в Берлин, а в 1926 году получает профессуру по социологии в высшей технической школе Дрездена, где преподает до 1937 г., когда национал-социалисты обвиняют его в симпатии к евреям и запрещают ему как словесные, так и письменные выступления. Только по окончании войны Ф. Степун находит в Мюнхене применение своим творческим силам и получает кафедру по истории русской религиозно-философской мысли. Со свойственным ему вдохновением он занимает эту кафедру до последнего часа своей жизни.

Его разносторонняя деятельность отражается в его многообразных трудах: лекциях, статьях, романах, воспоминаниях, из которых наиболее известными являются три тома его автобиографии.

Все, что он говорил и писал, отражало зоркость историка, глубокомыслие философа и социолога, духовную и художественную насыщенность писателя и чарующую открытость человека мировым явлениям. Федору Авг. Степуну удалось и в жизни и в творчестве дать синтез русской глубокой религиозности, человеческой свободы и социальной правды. И этот синтез прокладывает путь духовному обновлению нашего времени.

*) Stuttgarter Nachrichten, 25-2-1965.

О БУДУЩЕМ ВОЗРОЖДЕНИИ РОССИИ *)

В книгах «первопризывной» эмиграции часто встречаются выражения, в которых Советский Союз понимается как не Россия, как нечто чужеродное ей, можно сказать, как некое идеологическое татарское (т. е. марксистское) нашествие, от которого надо освободиться. Такое понимание большевизма в корне ложно. Если бы оно было верно, то самые страшные стороны большевистской революции не могли бы быть не только предсказаны, но и описаны русскими писателями. «Бесы» Достоевского представляют собой наиболее глубокий и притом пророческий анализ большевистской революции; кроме того, они рисуют ряд сцен, которые пережить пришлось нам. А было ли большевиками совершено в религиозной сфере нечто по существу более страшное, чем описанное Достоевским издевательство над Богом и религией: вспомним Федьку Каторжного — христианина, постоянно читающего апокалипсис, зажигающего Кириллову лампады, но за несколько рублей, брошенных ему Ставрогиним, перерезающего горло Лебядкиной; или еще страшнее тех парней, что выносят из церкви вынутое изо рта причастие, кладут его на забор в огороде и стреляют в него. Все эти ужасы, имеющие символическое значение, конечно, не составляют сердцевины России — кто это посмеет утверждать, — но это ее очень показательное национальное грехопадение. Глубокое покаяние в этом грехопадении, а отнюдь не ненависть к Марксу должно создавать новый подлинный образ нашей Родины.

Карл Маркс в большевистской революции, в сущности, никакой мало-мальски существенной роли не играл. Все наиболее значительные марксисты, начиная с Плеханова, остались в стороне: часть была арестована, часть эмигрировала, а часть изменила сама себе. Да и как могла вспыхнуть марксизмом взвихрившаяся Россия, когда в России не было пролетариата? Об этом опять-таки впервые заявил революционный вождь в стане бесов: «Жалко, у нас нет пролетариата, но мы его изобретем». В своем известном труде, в «Истории капитализма в России» Ленин подтвердил мнение Верховенского, написав, что в России до сих пор от 80 до 90 процентов крестьян, но он же и воспользовался мнением Верховенского и изобрел этот пролетариат. Больше число крестьян, бедных, безлошадных, он окрестил пролетариями, а меньшую часть, состоятельных, многолошадных, назвал капиталистами. Но Ленину, самовольно обрусившему немецкий марксизм, до этого

*) Настоящая статья была написана Ф. А. Степуном за несколько дней до его внезапной кончины.

дела не было. Считая Советский Союз марксистской организацией, он насаждал его в самых глухих крестьянских местах не без помощи народного мнения, что у большевиков есть свой святой Карла, по прозвищу Макса.

Тратить свои силы на борьбу с советским марксизмом все равно, что бороться с ветряными мельницами: марксизм, теряющий свое влияние даже и в Европе, сам сведет себя в небытие.

Самое важное, что нам, желающим возрождения России, нужно сейчас делать, чтобы не выпасть из активной работы советских людей и прежде всего молодежи над возвращением Советского Союза в лоно отнюдь не прошлой, но по-новому обновленной России, — это внимательно следить за советской литературой, в которой ощутимее всего бьется пульс возрождения. Споры нет, — в этой литературе, особенно в сталинском периоде, всегда плавала, как застывшее сало на холодном бульоне, тяжелая идеологическая пелена, но ее почти всегда можно было сбросить черпаком и удостовериться в питательности бульона.

За последнее время положение весьма улучшилось. Из произведений многих молодых авторов можно было бы без труда составить несколько явно обличительных страниц. Достаточно назвать: Василия Аксенова, Владимира Тендрякова, Виктора Розова, Александра Яшина и др. Но, быть может, еще важнее та внутренняя свобода, которая не обличает власть, но творит подлинное искусство. К таким произведениям надо причислить: А. Солженицына «Матренин двор», Л. Леонова «Евгения Ивановна» (в оригинале это имя написано латинскими буквами), Е. Евтушенко «Четвертая Мещанская», некоторые произведения В. Пановой, О. Берггольц и др.

Чего еще пока не видно в России, это политического оформления духовного протеста: представления о том строе, который должен создаться, Бог даст, эволюционным и, не дай Бог, революционным путем. В этом отношении нужна помощь эмиграции, может быть, даже в сотрудничестве с крупными европейскими учеными и политическими деятелями.

Не дай Бог, если бы коммунистическая диктатура сменилась диктатурой иного содержания. К счастью, такого содержания не видно. Федеративное начало все же настолько развилось и осознано в советской России, что односторонне великорусская диктатура невозможна, но не менее возможна и диктатура совета национальностей: коллективное начало не вяжется с принципами единовласти.

С трудом представляется превращение России, жившей пятьдесят лет под большевистским гнетом, в западноевропейскую парламентарную демократию. Некое начало твердовласти должно быть внесено в будущий коллектив. Такому же твердовластию

пора, впрочем, войти в духовно-пустоградную и экономически жадную демократию Запада. Все последние диктатуры были попытками управлять массами путем насильнической лжи. Из отрицания этой лжи отнюдь не следует отрицания творческого значения истины в общественной жизни народа.

Будем надеяться, что прав А. Солженицын, верующий в то, что Россия не может жить без праведников.

Проф. Ф. А. СТЕПУН

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ

С 1902 по 1910 год я учился в Гейдельбергском университете. Русских студентов или, точнее, студентов из России было человек сто. Почти все они принадлежали к социалистическим партиям. Беспартийных нас было не более десяти человек. Находясь в постоянной и активной оппозиции к товарищам-революционерам, я все же не переставал удивляться той жертвенной энергии, с которой они боролись за будущую Россию, в которую они как бы эмигрировали еще до революции. Революционные газеты всех партий вызывали такой интерес, что правление знаменитой Гейдельбергской «читалки» было принуждено держать их на цепях, чтобы не уносили домой. Политические дискуссии происходили чуть ли не на каждой неделе. Иногда не без риска, с большими затратами выписывались в Гейдельберг очень левые русские ораторы, которым был запрещен въезд в Германию.

Каждый семестр в лучшем городском зале устраивали благотворительные литературно-художественные вечера с танцами. Студенты и студентки, имевшие в своем распоряжении более или менее изящное одеяние, ходили по фешенебельным гостиницам не только Гейдельберга, но Маннгейма и Баден-Бадена и продавали «благотворительные» билеты в пользу бедных студентов, на самом же деле в пользу революции. Само собой разумеется, что каждый партийный студент вносил в пользу своей партии небольшой месячный взнос. Так жила и работала эмигрировавшая в будущее революционная эмиграция.

До чего же эта картина не похожа на жизнь современной эмиграции, призванной творческим преображением прошлого спасать вечный образ России, преемственно связанной с ней и поруганной большевиками. Духовная жизнь, по-разному кипевшая прежде в центрах старой эмиграции в Париже, Праге, Белграде и других центрах, все быстрее замирает. Материально вполне обес-

печенных людей становится все труднее собрать на оплаченную культурно-политическую лекцию, концерт или театральное представление. Подобно примитивным организациям эмиграция все больше и больше размножается делением. Великороссы, украинцы, белоруссы не чувствуют себя объединенными общим знаменателем русскости, своеобразными числителями всероссийского государства. Но хуже всего то, что во втором поколении вырастающей в разных странах молодежи начинает слабеть, часто даже и совсем исчезать, ощущение своей русскости, принадлежности к своей нации. В некоторых кругах Германии и Франции подымаются совсем уже обывательские соображения: ощущение себя русским затрудняет устройство практической жизни и лишает — слышал я и такие размышления — возможности вхождения в иностранную семью, лучше всего потому окончательно офранцузиться или онемечиться.

Эта денационализация имеет, конечно, свои социологические причины. Национализм сейчас повсюду не в моде. Широкая общественность считает национальные чувства главной причиной как первой, так и второй мировых войн и того трагического положения, в которое они повергли весь мир. С этим озлобленным отрицанием национального начала связано широкое распространение надежд, что будущее свяжет свои судьбы с интернационализмом. В это верят не только социалисты, но и все главари строящих Новую Европу объединенных наций.

Оспаривать лживость и грешность национализма и его ответственность за тяжелое и одновременно преступное положение мира явно невозможно, но это никому не дает права отрицать положительного значения нации, как некоего своеобразно-соборного облика многоликой человеческой культуры. Ошибка недостаточно строгого разделения понятий: нация — национализм, а также и: личность и индивидуальность постоянно встречается в острой, резвой часто, но и весьма поверхностной европейской публицистике. Как-то никому не приходит в голову самоочевидная мысль Соловьева, что нация относится к национализму как личность к эгоизму. Замкнутая в себе индивидуальность может быть иной раз и весьма эгоистичной, но личность этим недостатком страдать не может, так как она рождается в любви к некоему Ты (Вячеслав Иванов любил писать: ты — еси), и крепнет в служении ему.

Также и национально настроенный человек не может быть «соборным эгоистом», он внутренне знает, что быть собой нельзя, не любя другого и не служа ему. Быть русским значит быть всечеловеком. Эти известные всем нам слова Достоевского призывают каждого русского эмигранта осуществлять свою русскость признанием той страны, в которой он живет и помощью ей. Европа

находится в очень трудном положении и, безусловно, нуждается в русской помощи, в углублении себя русским национальным духом.

Трудность европейского культурного и политического положения заключается во все обостряющемся угасании духа, в утрате непосредственной связи с трансцендентным миром, в омелении религиозной жизни, несмотря на углубление абстрактно-богословской проблематики и искренних усилий к объединению вероисповеданий. Во всех европейских странах и во всех сферах культуры этих стран диктаторствует порожденный просвещением дух отвлеченной рационалистической науки, которая, в отличие от духа искусства и религии, неизбежно живет последним ею сказанным словом. Данте не поколебал положение Гомера, как и Гете не поколебал положение Данте: все они одновременно живут в вечности, как некое хоровое начало. А вот Коперник, опровергнув представление Птолемея об отношении земли к солнцу, изгнал Птолемея из храма науки и переселил его в старческий дом бывших гигантов научной мысли.

К сожалению, деспотия последних слов все решительнее начинает переселять в старческие дома великих творцов и те области культуры, в которых должны царствовать не последние слова, а то слово, о котором было сказано: «В начале бе Слово, ... и Слово бе Бог». Всего яснее это сказывается на современном искусстве как европейском, так и советском, которое все быстрее превращается в иногда очень талантливое описание психологического и социологического состояния мира. В особенности отчетливо это ниспадение вечного Слова в суету перегоняющих друг друга последних слов наблюдается в театре.

К сожалению, все та же деспотия последнего слова оказывает большое влияние не только на характер современного творчества, но и на стиль и дух всей современной жизни: из нее все заметнее и быстрее исчезают личности и в ней все быстрее и быстрее нарождаются специалисты. Этим ученым специалистам мы обязаны всеми внешними усовершенствованиями нашей жизни, но и исчезновением из нее личности и всеобещающих целостных постижений, без которых мы и в научном свете двигаемся как впотьмах. Живых глаз, которыми личность смотрит на мир, ни научными, ни даже религиозными точками зрения заменить нельзя.

Политический строй современной Европы — строй парламентской демократии — не только не в силах бороться с этим процессом, но он всем своим существом ускоряет его.

Не надо быть верующим христианином, чтобы видеть, что корни европейской культуры таятся в христианстве с его двумя Ветхими Заветами: еврейским и античным. Нынешняя Европа своих корней не помнит и все более и более пытается цвести срезан-

ными с этих корней цветами: свободой без связи с истиной («познайте истину, и истина сделает вас свободными»), личностью, отрицающей свое богоподобие (Бог создал человека по образу и подобию Своему), и правом, давно забытым как правду-истину, так и правду-справедливость, и потому с чистой совестью защищающим коллективные интересы конкурирующих друг с другом хозяйственных и политических коллективов, результатом чего является все шире разливающаяся по всему миру революционная волна.

Набросанная мною картина все более стареющей Европы не представляет собой ничего нового, в чем я вижу не ее недостаток, а скорее, ее достоинство. Уже славянофилы убежденно нападали на утрату западно-европейской культурой начала духовной целостности. Будучи воспитанниками немецкой философии, они тем не менее убежденно отрицали ее отвлеченно-рационалистический характер. Памятуя, что «в начале бе Слово» они требовали, чтобы и философия жила живым многосмысленным словом, а не закаменелыми понятиями (Киреевский), бессильными «как труп отразить жизнь».

С утратой духовной целостности в многогранном слове связан, по мнению славянофилов, и атомизм западной культуры и жизни. И действительно, спрашивают славянофилы, по какой дороге идти Западу, когда дорог у него много и каждая ведет в другую сторону: богословие — в Царство небесное, философия — к чистому разуму (Гегель), искусство — к бесцельной целесообразности (Кант), государствоведение — к представлению, что государство это Бог на земле.

Эта славянофильская критика Запада была во второй половине XIX века углублена и развита Владимиром Соловьевым как в критике отвлеченных начал, так и в критике западной философии. От Соловьева она в сильно измененной форме перешла к Бердяеву и ряду других мыслителей. Но при всей своей теоретической резкости она у названных философов и политиков никогда не превращалась в заносчивое отрицание Запада. Уже в своих «Русских ночах» — классической книге русского романтизма, кн. Одоевский сознательно провозглашает молодую Россию не противницей, а преемницей Европы. «Углубитесь, — пишет он, — в православный Восток, и вы поймете, отчего лучшие ваши умы выносят из последних глубин своей души совершенно те же верования, которые издавна сияют на славянских скрижалях». И даже у славянофильствующего Погодина повторяется мнение, что «В высшей мировой экономике Запад так же незаменим, как и Восток». Из всего этого вырастает уже цитированное мною убеждение Достоевского, что быть русским значить быть все-человеком.

Большевистская революция на первый взгляд до неузнаваемости исказила это гармоническое взаимоотношение между целостным русским сознанием и культурно-политическим атомизмом западноевропейской цивилизации. На самом же деле она только обострила его. Обострила тем, что, не отрицая русский принцип целостности, она превратила его из боготворческого в богоненавистнический, во-вторых, и тем, что вскрыла бессилие европейского идеала демократического плюрализма, — который защищало Временное Правительство, — справиться с проблемой восставшей против самой себя России.

Задача исследования причин этой не только нашей, но и мировой трагедии, связанной с большевизмом, выпала прежде всего на русскую эмиграцию. В нашу задачу вошли: защита России от большевизма, но и признание большевизма как русского начала и русской вины; раскрытие Европе глаз на то, что своим стремлением политически нажиться на русской трагедии она ввергла и себя в таковую же, но только более бессмысленную, имя которой гитлеризм; показать религиозно пустеющему Западу, что история все еще движется верой, которой в Европе не осталось, но которая в большевизме все же была, показать, что как природа не терпит пустоты, так и история не терпит безбожия, хотя бы и богоненавистнического.

Заменить эмиграцию в осуществлении этих, лишь бегло намеченных, задач европейцы, конечно, не могли, так как всякое мирозерцание неизбежно связано с место пребывания созерцающего, — оно же уготовляется каждому судьбой.

Нельзя сказать, чтобы русская, особенно первопризывная, эмиграция мало потрудились над разрешением намеченных мною задач. Без эмигрантских богословских, философских и исторически храбрых над вскрытием сущности большевизма и осмысливанием русской трагедии, без описания мученичества Православной Церкви и русской интеллигенции Европа, безусловно, не дошла бы хотя бы до того понимания нашей катастрофы, до которого она все же дошла. Многие раскрыли Западу и расцветшие в эмиграции русские писатели. Большую роль также сыграло и общение эмигрантов с руководящими людьми Запада, с представителями Церкви и науки. Немалое значение имело и назначение русских эмигрантов на американские и европейские кафедры. Новая эмиграция внесла в стареющую первопризывную новые начала: она раскрыла и старым эмигрантам и европейцам уже исчезающую из наших глаз духовную жизнь страдающей России и избавила тех эмигрантов, в которых остались еще живые души, от эмигрантской надменности и реакционности, от того, что я привык называть «эмигрантщиной» в смысле отрицательного начала.

Работа эта не кончена: все меняющееся положение советской России и отношение к ней Запада ставят перед эмигрантами новые задачи. Отречься от них и по второстепенным бытовым соображениям переходить из стана эмигрантов в ряды обывателей-беженцев является сейчас весьма тяжелым преступлением перед судьбами России.

Проф. В. Н. ИЛЬИН

Н. О. ЛОССКИЙ И ФИЛОСОФИЯ ИНТУИТИВИЗМА

18-12-1870 — 24-1-1965

Имя Николая Онуфриевича Лосского означает целую полосу в истории русской философии и науки. Его «Обоснование интуитивизма», ставшее уже давно творением «классическим», прочитано решительно всюду и, в особой степени, в странах германских. Сверх того, Николай Онуфриевич был типичным философом эпохи Русского Ренессанса и имя его вписано золотыми буквами в историю Русской Философии рядом с именами Владимира Соловьева, о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина и других. В той стране, в которой мы живем, имя его может быть смело поставлено рядом с Анри Бергсоном, с которым у него, кстати сказать, есть несомненное родство как по типу научно-философской мысли, так и по блестящей литературной манере изложения и необычайной прозрачности стиля. В Германии Н. О. Лосскому родствен отчасти Эдмунд Гуссерль. Это имя одно показывает, на какой научной высоте стоит почивший русский философ.

Николай Онуфриевич Лосский (1870—1965) прожил долгую счастливую жизнь, с самого начала своей ученой академической деятельности возбуждавший любовь и восхищение своих многочисленных слушателей, читателей и поклонников, как заочно знакомых с ним по его творениям, так и лично его знавших. Он обладал завидным свойством возбуждать всеобщие симпатии — даже со стороны лиц с ним несогласных, как, например, его учитель А. И. Введенский, но, независимо от этого, с удовольствием его слушавших и читавших. Он сделал все, что можно на академическом и писательском поприще и извлек из того громадного научно-философского дара, которым его наградила Господь, все то, что можно вообще было извлечь. Дальнейшее — за историей.

Родился великий философ в Белоруссии, в селе Крестовке Витебской губ. Начальная молодость Николая Онуфриевича была

бурной и напоминает роман с приключениями. И есть что-то удивительно оригинальное в этом сочетании мирного академика-ученого с такой интересно прожитой молодостью. Революционные приключения вынудили к блужданиям по разным «заграницам» — до поступления в «Иностранный легион» включительно. Это, отчасти, напоминает приключения молодости Ломоносова, попавшего, благодаря ловкости вербовщика, в прусскую армию, откуда ему удалось спастись с превеликим трудом. С великим русским философом было то же самое. Впрочем, у него, так же как у того же Ломоносова, в крови был вкус к авантюре и к странствованиям. Это несомненно чувствуется в автобиографических страницах, которыми начинается великолепно написанное «Обоснование интуитивизма». Отсюда и та живость, с которой написаны важнейшие труды Николая Онуфриевича. В них, несмотря на громадную и всестороннюю ученость, нет ни малейших признаков педантизма, но все живет, дышит и блещет живой жизнью. Как тут не вспомнить древних досократиков с их страстью к путешествиям и к авантюре — а также и Платона.

В СПб университет Н. О. Лосский поступил сравнительно поздно. Он блестяще кончил сначала физико-математический факультет (1891—1894), а потом историко-филологический (1894—1898). На этом факультете он изучал философию под руководством своего будущего противника, проф. А. И. Введенского. Тогда же произошла и оказавшая на Н. О. громадное влияние встреча с Влад. Соловьевым. В 1900 году Ник. Онуфр. сдает магистерский экзамен и начинает преподавание в университете и на Бестужевских высших женских курсах, которые, как известно, по типу преподавания и по преподавательскому персоналу ничем от университета нормального типа не отличались. В гимназии Стоюниной Н. О. читал частный курс философии. В 1901 г. Н. О. получает командировку для занятий в германских университетах: в Страсбурге — у Вильгельма Виндельбанда и в Лейпциге — у Вильгельма Вундта. В 1902 г. Н. О. женится на Людмиле Владимировне Стоюниной и совершает поездку по Швейцарии и Италии. В 1903 году он работает по командировке в Геттингенском университете. В том же году Н. О. защищает магистерскую диссертацию у проф. А. И. Введенского.

В 1905 г. Н. О. защищает докторскую диссертацию у проф. Л. М. Лопатина. В 1916 г. он становится, по избранию, ординарным профессором С. Петербургского Университета. Революция испортила судьбу Н. О., как и огромному большинству ученых и культурных людей России. В 1921, как не марксист, он исключается из Петербургского Университета. За этим следует, в «классическом» порядке, арест и тюремное заключение. «Смягченный» режим «НЕП»-а освободил всех арестованных, среди которых —

многих первоклассных, лучших и талантливейших профессоров России, убиение им было заменено высылкой, гл. обр. в Германию. Вместе с Н. О. были высланы Н. А. Бердяев, о. Сергей Булгаков, И. А. Ильин, С. Л. Франк, И. И. Лапшин, Л. П. Карсавин и другие. Последовательными этапами этого первого отрезка изгнанического пути для Н. О. были: Берлин, Прага, Брно (1922—1933). В 1942 г. Н. О. избирается профессором в Университет в Братиславе (Моравия). Был некоторое время профессором в Богословском Институте. После перемирия в 1946 г. переезжает в США в качестве профессора философии. В 1961 г. подвергается серьезной операции и возвращается во Францию, где поселяется в Русском Доме в Сент-Женевьев де Буа. Там отходит 24 января 1965 г. и погребается на русском кладбище.

Нет никакого сомнения в том, что при нормальных условиях Николай Онуфриевич Лосский прогремел бы не только на одну Россию. Это случилось уже сразу, когда появилась его блестящая и оригинальная книга «Основные учения психологии с точки зрения волонтаризма», и позже — «Обоснование интуитивизма». Автор этих строк, тогда студент Киевского Университета, свидетельствует, что обе эти книги Н. О. Лосского и его перевод «Критики чистого разума» Канта, блестящий и критический, были настольными книгами в 1913 г. не только студентов, но и профессоров философии. Вся книга «Обоснование интуитивизма» — и ее отдельные главы — стали любимыми темами для рефератов. Считая материализм смешной старомодной окаменелостью, они избирали себе в качестве вождей Марбургскую школу неокантианства (Германа Когена, Пауля Наторпа, Эрнста и Бруно Кассиреров), Анри Бергсона и Блонделя, Н. О. Лосского, главным образом как автора «Обоснования интуитивизма».

Н. О. Лосский продолжает — творчески, на почве русской философии — две очень важные западные традиции в философии: в области ОНТОЛОГИИ он продолжает МОНАДОЛОГИЮ, с учением о ПЛЮРАЛИЗМЕ «СУБСТАНЦИАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ» (термин принадлежит Н. О. Л.), а в области ГНОСЕОЛОГИИ (то-есть теории познания) — традиции ИНТУИТИВИЗМА. В этой то области себе и составил большое имя Николай Онуфриевич, и его блестящее «Обоснование интуитивизма» сделалось в своем роде «вечным спутником» не только русских, но и всех тех философов, кому дороги судьбы того, что Мальбранш назвал «Разысканием истины». Но Н. О. Лосский ставит еще один вопрос, тесно связанный с его интуитивистической теорией познания. Это — вопросы О СВОЙСТВАХ или ПРИЗНАКАХ ИСТИНЫ (в превосходной книге «Общедоступное введение в философию», вышедшей девять лет тому назад в 1956 г.). Так еще никто гносеологии не трактовал, и, в сущности говоря, здесь берется под углом зрения теории

познания вся философия. Это и не удивительно, если мы вспомним, что интуитивная теория знания есть теория знания **ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ**, ибо в ней познается вся совокупность многоединого бытия, то есть в ней реально присутствует все бытие, — чтобы выразиться в терминах самого большого философа Франции новейших времен Луи Лавелля (см. превосходно написанную книгу «*La présence réelle*»).

Теорию познания надо считать вратами всякой философии. Скажи мне какова твоя теория познания, и я тебе скажу, какова не только твоя философия, но и каков ты собою весь, в духовном смысле, если ты только интересуешься всерьез философской проблематикой. И тот факт, что у материализма нет и не может быть никакой теории познания, ибо, чтобы ее построить, материалист прежде всего должен перестать быть материалистом, характеризует лжефилософию материализма. «Я не знаю, что значит быть материалистом», сказал однажды Анри Пуанкаре, блестящий физик, математик и мыслитель. Характернейшее свойство материалистов — отсутствие интереса и вкуса к проблематике: все задачи решены и наперед все известно. Теория познания есть учение о формах координации (или взаимоотношений) познающего субъекта и познаваемого объекта — так определяет автор этих строк основную философскую дисциплину, благодаря которой философия сама является основополагающей точной наукой. Характерное свойство, вообще, всякой гносеологии, поскольку она заслуживает этого имени, то, что она по своей природе **ДУАЛИСТИЧНА**, предполагая сосуществование и парную соотносительность субъекта и объекта. Это одно уже делает невозможным для материализма построить гносеологию, так как материализм по своей природе **МОНИСТИЧЕН**, даже когда кажется плюралистичным. Всякий монизм, кстати сказать, исключает и свободу со всем, что сюда относится, то есть с самым ценным, какова, например, личность.

Этим самым исключается для материализма также возможность построения всякой теории ценности («аксиологии») с такими двумя основополагающими аксиологическими науками, как **ЭТИКА** и **ЭСТЕТИКА**. От философии остается, таким образом, пустое место, где прежде всего отсутствует сама материя, которая из реальности превращается в «философскую категорию». Единственная категория, признаваемая материалистами, т. е. материя, основа всякой реальности для них, растворяется в философской категоричности! Положение создается безвыходное, — и не только для одних материалистов, но и для всех тех позитивистического типа систем философии, где теория познания оказывается ущемленной, или ущемленной, или же вовсе отсутствует. Она отсутствует не только у материалистов, но и у позитивистов и скептиков — в самой радикальной форме у софиста Горгия, у Юма и

у им подобных. Внутреннюю самопротиворечивость скептицизма и невозможность устоять на собственных ногах очень хорошо показал о. Павел Флоренский во втором «письме» своего гениального «*Столпа*». Ущерблена и ущемлена гносеология во всех так называемых «психологистических» системах, как это показано Эдмундом Гуссерлем в его «*Логических исследованиях*». Натурализм и монизм — это ослабленные формы материализма и позитивизма, которые, в конце концов, должны потерпеть и его судьбу, то есть искать себе опоры в том, что никакого отношения к философии не имеет.

Есть, однако, одна система, которая построила не только гносеологию, близкую к совершенству, но и вообще стала в основу тех научных систем, которые держатся, живут и определяются гносеологией. Это так наз. **КРИТИЧЕСКАЯ** гносеология Канта. Она развита им в его основном труде, в гениальной и прославленной «*Критике чистого разума*» (1781). Труд этот был прокомментирован и стилизован в духе чистого гносеологизма в т. н. Марбургской школе (Коген, Наторп, Кассирер и др.).

Н. О. Лосский вступил в героическую борьбу с таким мощным, прославленным и тяжеловооруженным противником — и **ПОБЕДИЛ**, так же как в России он победил А. И. Введенского и Поварнина, очень сильных кантианцев. Во всяком случае, никаких серьезных возражений против своей критики догматических предшественников Канта (рационализма и эмпиризма), ни против самой критической гносеологии Канта Н. О. Лосский не встретил, создав свое превосходное «**ОБОСНОВАНИЕ ИНТУИТИВИЗМА**», гениальное по замыслу и блестящее по выполнению, да и литературно увлекательное.

Изложение и критика предшественников Канта, учения самого Канта и его эпигонов, т. е. Фихте, Шеллинга и Гегеля, и других учений, так или иначе связанных с проблемой, настолько хорошо и точно выполнены, что «*Обоснование интуитивизма*» может служить превосходным учебником новой философии.

Н. О. Лосский считает, что «теория знания должна быть свободна от предпосылок», которые, так или иначе, но всегда будут догматическими, то есть и не очевидными и недоказанными. Единственной беспредпосылочной теорией знания (если только ее можно назвать «теорией») может быть лишь так называемый «*наивный реализм*», то есть утверждение, что предмет знания таков, каковым мы его воспринимаем, и что мы действительно его воспринимаем **В ПОДЛИННИКЕ**. В противоположность скепсису, который можно назвать гносеологическим пессимизмом и даже «гносеологическим адом», интуитивизм можно и должно назвать гносеологическим оптимизмом и, более того, «гносеологическим раем». И его «*мистика*» есть светлая, райская мистика. В

этом отношении Н. О. Лосский самое, пожалуй, светлое, солнечное явление в новой и новейшей философии. Есть в нем много родственных черт с Шеллингом (книгу о котором Куно Фишера он блестяще перевел) и с Бергсоном. О нем Н. О. написал небольшую, но очень основательную, и, как всегда, блестящую книгу.

Беспредпосылочность наивного реализма, из которого исходит Н. О. Лосский, означает отсутствие всяких средостений — идеологических или эмпирических — между предметом знания и его познающим субъектом — лицом, между субъектом и объектом знания. Это так сказать «есть то, что есть» в познании, или, лучше, в поле познания и в познающем субъекте. Это одновременно и аксиома и постулат, предпосылка — и истина самоочевидная.

Но, как известно, нет ничего труднее простоты, которая усматривается и завоевывается лишь с большим напряжением и усилием, дается лишь чистым и детски наивным душам — и есть, даже, специальный дар, очень характерный для натур гениальных и непосредственных, духовно честных. Но тогда подобного рода люди и их творения делаются школой независимой, честной и чистой мысли. Хорошо сказал Артур Шопенгауэр: «наивность подобает гению, как нагота красоте». Не надо думать, что наивность исключает ученость и утонченную культурность. Нисколько! Скорее — наоборот. И «Обоснование интуитивизма» снабжено богатейшим «аппаратом», который выглядит на основном творении Н. О., как драгоценности на красавице. «Аппарат» у Н. О. Лосского всегда уместен, всегда отвечает какой-то насущной потребности и никогда не выглядит «выставкой», «нарочитостью»...

Кажется, никогда еще «критика критики» Канта не приводила к таким бесподобно плодотворным результатам. Это не только по той причине, что сам Н. О. Лосский был знатоком и переводчиком Канта, от которого выгодно отличался блестящим литературным талантом. Н. О. Лосский «прошел сквозь Канта» с любовью. Он вообще, всегда очень хорошо относился к тому, что критиковал, ибо прежде всего жаждал у критикуемого явления найти и захватить таящиеся там крупницы истины и считал необходимым идти дальше. Но по закону диалектики, всякое понятие, додуманное до конца, входит в противоречие с самим собой и требует поднятия на высшую ступень — с «асимптотическим» возвращением к той позиции, от которой оттолкнулся критикуемый автор, то есть, в данном случае, Кант, оттолкнувшийся как от наивного реализма, так и от догматических предпосылок рационализма и эмпиризма. Отсюда синтетический «идеал-реалистический» характер интуитивизма. Он есть созерцание реального в подлиннике. Но так как, согласно учению Платона, «парадигмы» («идеи») реальнее самих текущих во времени и исчезающих предметов, то реалистическое

и, следовательно, мистическое созерцание подлинников приводит к возвращению от «изумительного» Канта к «божественному» Платону, — как метко характеризует обоих великих гениев философии Артур Шопенгауэр.

«...теория интуитивизма возвращается к учению о созерцании и идеях, начало которому положено Платоном. Если условиться называть временное реальным бытием, а безвременное — идеальным бытием, то можно сказать, что, по теории интуитивизма, предметом знания может быть как реальное, так и идеальное бытие» («Обоснование интуитивизма», 1924, стр. 78). Интуитивистический «идеал-реализм», который, как понятие, так и термин, принадлежит Н. О. Лосскому, взявшему его в свою очередь у послекантова идеализма (гл. обр. у Шеллинга), обладает чрезвычайной широтой захвата и ничего не исключает из своей орбиты. Он не только не пытается «сузить» «широкого человека», говоря языком Достоевского, но горит жаждой безмерно его расширить. Отсюда возвышающее действие этого учения...И действительно, мы горим жаждой расширения орбиты нашего захвата и так же страстно стремимся узреть возлюбленный, богозданный подлинник «милых предметов», и нам не хочется верить, что эти подлинники нам только «снились» или только «сняты». Великое усилие подвига веры прежде всего заключается в том, что мы стремимся прорваться и «достичь» подлинников предмета веры.

«В душе каждого человека, не слишком забитого судьбою, не слишком оттесненного на низшие ступени духовного существования, пылает фаустовская жажда бесконечной широты жизни... Высшего удовлетворения достигли бы мы, если бы могли так отождествиться со всем этим миром, что всякое другое «я» было бы также и «моим я». Однако всем этим желаниям полагает конец жалкая ограниченность индивидуального бытия, приковывающая меня к ничтожному комку материи, к моему телу, замыкающая меня в душную комнату и предоставляющая мне лишь тесный круг деятельности. Но если мое я не может расшириться и отождествиться с другими я, то все же у меня есть средство выйти из границ своей индивидуальности, хотя бы отчасти: оно заключается в знании» (Н. О. Лосский «Обоснование интуитивизма», стр. 5-6).

Хотя автор «Обоснования интуитивизма» стремится выработать систему научно-философского знания, приближающего нас к этому идеалу, к вселенскому охвату и захвату, но все же он дает нам понять, что на подобного рода вершинах и глубинах искусство (поэзия, например) и философия с ее, казалось бы, столь «сухой» дисциплиной, как гносеология — совпадают. И на протяжении всего своего творчества, за всю свою долгую жизнь

Н. О. ни разу не изменил себе и ни разу не угасил в себе «фаустовского духа», чтобы заменить его духом «книжного червя» Вагнера.

В своем обширном творчестве Н. О. Лосский коснулся всех важнейших научно-философских тем — в этом ему помогла его богатейшая эрудиция. Но он никогда ей не служил. Это она ему служила.

Проф. Н. О. ЛОССКИЙ

Моя жизнь и философский путь*

ВСТРЕЧИ С ВЛ. СОЛОВЬЕВЫМ

Осознав, что подлинные интересы мои направлены на философию, а не на естествознание, я избрал темой зачетного сочинения вопрос о «Локализации функций в коре больших полушарий мозга». Государственный экзамен по Естественнонаучному отделению Физико-математического факультета я сдал хорошо и получил диплом первой степени. При проверке моих бумаг в канцелярии университета обнаружилось, что у меня нет никаких документов, регулирующих мое отношение к воинской повинности. Поступая в университет, я по неосмотрительности не запасся разрешением на отсрочку отбывания ее для продолжения образования. Оставалось только надеяться на то, что в Витебске осенью 1891 года, когда происходила жеребьевка лиц, призванных на военную службу, на мою долю случайно выпал жребий, освобождающий от службы. Я написал в Военное управление в Витебск и получил ответ, что согласно жребию я должен был отбывать повинность и числюсь дезертиром. Пользуясь советами Льва Николаевича Лосского и его знакомствами, я написал в Комиссию прошений на Высочайшее имя подаваемых, прося освободить меня от наказания за невольное дезертирство; по удовлетворении моей просьбы, я должен был еще обратиться в Военное министерство, в министерство Внутренних Дел и в министерство Народного Просвещения и получил отсрочку до 28 лет для завершения образования. Так как я в возрасте 21 года не заявил, что буду служить вольноопределяющимся, что сокращает срок службы, то мне предстояло служить простым рядовым в течение двух лет. Выход из этого тяжелого положения был найден следующий.

*) Отрывки из неизданной рукописи Н. А. Лосского — «Моя жизнь и философский путь».

В течение 1895—96 гг. я был студентом второго курса Историко-Филологического факультета, а осенью 1896 г. получил два урока в неделю по географии в институте принца Ольденбургского. По правилам Института двух уроков в неделю было достаточно, чтобы считаться штатным преподавателем и быть поэтому зачисленным в запас. Конечно, получив звание учителя Института, я принужден был выйти из университета и продолжать свои занятия в нем, как вольнослушатель. В это же время я стал давать уроки латинского языка в гимназии Стоюниной для тех учениц, которые желали поступить на Высшие Женские Курсы. Через два года, окончив курс Историко-Филологического факультета, я был оставлен при кафедре философии для подготовки к профессорскому званию, что тоже освобождало от воинской повинности, и тогда я перестал преподавать географию в Институте.

Чтобы заниматься в течение трех лет на Историко-Филологическом факультете, нужно было иметь средства. Стипендия, которую я получал на Физико-Математическом факультете, прекратилась, когда я прошел курс его. В это время к Козлову как-то зашел Владимир Сергеевич Соловьев. Знакомство с ним произвело на меня, как и на всякого, кто видел его, сильное впечатление. Его лицо пророка, глаза, глядящие из нездешнего мира, остроумные шутки, веселый смех и в то же время серьезная беседа приковывали к нему внимание. Узнав от Козлова о моем желании специализироваться по философии, он пожелал помочь мне достать стипендию на Историко-Филологическом факультете и поехал к ректору университета, кажется, профессору Никитину. Это была ошибка: с такою просьбою следовало обратиться не к ректору, а к декану факультета профессору Помяловскому. Ходатайство Соловьева не помогло и стипендия мне дана не была на том основании, что прохождение курса второго факультета было некоторою роскошью: стипендии предназначались для лиц, не имеющих высшего образования.

В те времена неимущие студенты зарабатывали чаще всего уроками, репетированием, гувернерством. И мне случалось давать уроки, но работа эта мне не особенно нравилась. Правда, в течение двух лет у меня был один интересный, оригинальный урок. По рекомендации П. Ф. Лесгафта, я был приглашен в дом поэта князя Голенищева-Кутузова давать уроки природоведения сыну и дочери его. Для этих уроков мне нужно было конструировать несложные аппараты, напр., для того, чтобы демонстрировать давление атмосферы, наблюдать образование кристаллов и т. п. Князь и княгиня были люди образованные и приятные в общении с людьми. Княгиня иногда вступала со мною в беседы по вопросу о внутреннем политическом положении России, рассказывала о брожении среди крестьян, которые ей приходилось наблюдать при

поездках в свое поместье на юге России. Когда я высказывал ей свои соображения об отсталости нашего государственного порядка, она во многом соглашалась со мною, но будущее России рисовалось ей в мрачных красках. Узнав, что она с мужем бывала в Берлине при дворе императора Вильгельма II, я спросил ее о наружности Вильгельма; мне почему-то казалось, что Вильгельм II был очень красив. Она очень решительно опровергнула это замечание мое, говоря, что на портретах его физиономию идеализируют, в действительности же он некрасив и ничтожен.

Меня давно уже привлекала мысль зарабатывать литературным трудом, прежде всего переводами философских книг. По просьбе Козлова, Вл. Соловьев обдумал этот вопрос и посоветовал мне перевести два трактата Канта «*De mundi sensibilis abque intelligibilis forme ac principiiis*» и «*Fortschribte der Metaphysik seit Leibniz und Wolf*». Совет был весьма непрактичен: перевод этих статей, к тому же одной из них с латинского, был очень труден для новичка и слишком ответствен; к тому же даже в случае напечатания его гонорар был бы очень незначителен, несоизмерен с трудом. Тем не менее — я с жаром принялся за дело. Работа эта была мне в высокой степени полезна: она требовала очень большой обдуманности и тщательности; после труда, вложенного в нее, все другие переводы были уже делом легким. Проверенный Соловьевым и Козловым перевод я отдал в редакцию журнала «Научное обозрение». Печатание его там откладывалось с месяца на месяц, пока я, занятый уже другими переводами, не забыл о нем. Лет через десять или более я случайно узнал, что в конце концов мой перевод был напечатан в журнале. Впоследствии он был переиздан в трудах Петербургского Философского Общества.

Поощряемый Соловьевым я изредка, не более раза в год, позволял себе заходить к нему в гостиницу «*Angleterre*», где он останавливался обыкновенно, приезжая в Петербург. Уже с утра у него бывали его многочисленные друзья и знакомые; со всеми он был мил и приветлив, ведя оживленную беседу. Однажды зашла речь о Н. К. Михайловском и о том, что он всегда окружен молодыми красивыми поклонницами. «Да, да, он известный Дон-Жуан!», подтвердил Соловьев и закатился своим характерным смехом на высоких нотах. Когда Соловьев платил по счету и получал сдачу, он после прикосновения к деньгам неизменно подходил к умывальнику и омывал руки скипидаром. В последний раз я видел его в 1900 г. В то время я был уже на пути к своему интуитивизму. Соловьев с интересом и симпатией слушал мои рассуждения о гносеологической проблеме, а я, увлекаясь в то время логикой и гносеологиею, вовсе и не подозревал, что через двадцать лет окажусь в разработке метафизической системы наиболее близким к Соловьеву из всех русских философов. На прощанье Соловьев

подарил мне свое «Оправдание добра» и хотел завернуть книгу в бумагу, но делал это весьма неловко и, когда я пришел ему на помощь, сказал: «Посмотрим; может быть, молодое поколение философов лучше справляется с такими задачами».

О НАЧАЛЕ ВОЗНИКОВЕНИЯ ИНТУИТИВИЗМА

Осенью А. И. Введенский предложил мне остаться при кафедре философии для подготовки к профессорской деятельности. По общему правилу держать магистерский экзамен можно было только через два года по выходе из университета, но мне, как лицу, прошедшему курс двух факультетов, было позволено приступить к экзамену через год. Это было не трудно, так как мои знания уже и ранее были рассчитаны для этой цели. Так, напр., я заранее уже приступил к чтению и конспектированию шести томов «Истории древней философии» Эд. Целлера. Книга эта доставляла мне громадное удовольствие. Она в полной мере дает представление об импозантном характере греческой философии. Особенно сильное впечатление произвело на меня изложение философии Плотина и Прокла.

В разработке своего миропонимания я подвигался вперед чрезвычайно медленно. Моему уму присуща была склонность к эмпиризму и вместе с тем к рационализму; первая выразилась в моей любви к Миллю и Спенсеру; вторая требовала приведения всего признанного за истину в стройную логически связную систему. Идеалом для меня были такие философы, как Декарт или Юм, которые начинают свою систему учений абсолютно с начала, стремясь не опираться ни на какие предвзятые учения и предпосылки, но исходя из несомненно достоверного факта. Приступить к такой работе мне было особенно трудно потому, что в моем уме столкнулось влияние метафизики Лейбница и гносеологии Канта, благодаря двум моим учителям — Козлову и Введенскому.

Своеобразная онтологическая природа «я», именно субстанциональность его была для меня несомненно истинною, опирающаяся не только на косвенные соображения, но и на непосредственное восприятие своего «я», как существа, стоящего выше отдельных своих психических проявлений. Жизнь каждого «я» представлялась мне, как непрерывный процесс, в котором все предыдущее пережитое имеет значение для новых проявлений «я». Отсюда у меня возникло убеждение, что связь событий, производимых и переживаемых каждым «я», т. е. каждою монадою в природе, имеет строго индивидуальный характер и не содержит в себе повторений, потому что «я», произведшее одно какое-либо

действие, через несколько часов опирается уже на более богатый опыт, чем прежде, и потому действует иначе, чем прежде. Из этого учения, распространенного на всю природу, вытекала мысль, что связь событий в природе однозначна, как в прогрессивном, так и в регрессивном направлении. Поэтому учение Милля о множественности причин представлялось мне сомнительным и я с разных сторон старался опровергнуть его.

Однако все рассуждения об онтологическом строении мира представлялись мне висящими в воздухе, пока не был решен основной вопрос: как доказать **существование** внешнего мира и **познаваемость** его свойств. Под влиянием лекций Введенского о Канте я твердо усвоил мысль, что познать можно лишь такой предмет, который имманентен моему сознанию. Будучи вместе с тем убежден, что все сознаваемое мною есть уже не внешний мир, а мое собственное психическое состояние, я мучился мыслью, что интерес мой к метафизике не может быть гносеологически оправдан. Десятки раз приступал я к попыткам построения своего мирозерцания с намерением воздвигнуть все здание из абсолютно достоверных, гносеологически оправданных материалов, именно только из того, что несомненно наличествует в моем сознании, имманентно сознанию. Однако, в силу оставшейся от материализма склонности рассматривать мир как неорганическое множество резко **обособленных** друг от друга элементов, весь имманентный состав сознания представлялся мне не более, как совокупность моих ощущений и чувств; таким образом, я неизменно приходил к солипсизму и скептицизму, который мучил меня своею скудостью и самопротиворечивостью. Не раз возвращался я к мысли, что даже **существование** внешнего мира не может быть строго логически доказано. В связи с этим произошел со мною следующий курьез. Осенью 1898 г. профессор Лесгафт пригласил меня на свои Курсы читать лекции по истории философии. Я ездил на Курсы с Фонтанки на Торговую улицу на велосипеде. Однажды, едучи на велосипеде, я глубоко погрузился в размышления о скандальном положении философии, неспособной доказать существование внешнего мира, и наскочил на грузную телегу ломового извозчика. Велосипед серьезно пострадал, я отделался легкими ушибами, извозчик, грубый, как большинство ломовиков, наслаждался случаем разразиться смачными ругательствами, а существование внешнего мира осталось недоказанным.

Кажется, тою же осенью 1898 г. мы с С. А. Алексеевым ехали на извозчике по Гороховой улице. Был туманный день, когда все предметы сливаются друг с другом в петербургской осенней мгле. Я был погружен в свои обычные размышления: «я знаю только то, что имманентно моему сознанию, но моему сознанию имманентны только мои душевные состояния, следовательно, я знаю

только свою душевную жизнь». Я посмотрел перед собою на мгlistую улицу и вдруг у меня блеснула мысль: «все имманентно всему». Я сразу почувствовал, что загадка решена, что разработка этой идеи даст ответ на все вопросы, волнующие меня, повернулся к своему другу и произнес эти три слова вслух: помню я, с каким выражением недоумения посмотрел он на меня. С тех пор идея всепроникающего мирового единства стала руководящей моей мыслью. Разработка ее привела меня в гносеологии к интуитивизму, в метафизике — к органическому мировоззрению.

Придя к мысли, что предметы внешнего мира могут вступать в подлиннике в кругозор моего сознания, я прежде всего сосредоточился на задаче отграничить в составе своего сознания «мои» психические состояния, т. е. проявления моего «я» от всего того, что «дано» мне извне, из моего тела и вообще из внешнего мира. Передо мною отчетливо обрисовалась мысль, что жизнь моего «я» вся состоит из действий, осуществляемых мною сообразно моим влечениям, стремлениям, хотениям; иными словами, моя жизнь есть осуществление моей воли. Система психологии, согласно которой вся жизнь «я» состоит из волевых актов, т. е. из стремлений к каким-либо целям, и из действий, направленных к осуществлению этих целей, есть **волюнтаризм**.

Прежние системы волюнтаризма, напр. психология Вундта, были развиваемы в связи с традиционным течением, согласно которому все сознаваемое мною есть **мое психическое** состояние. Такое понимание строения сознания губительно для волюнтаризма: оно обязывает волюнтариста утверждать, будто цвета, сознаваемые мною, или зубная боль и т. п. «данные» мне содержания сознания суть творения моей воли. Эта нелепость устранялась в моей системе, благодаря произведенному мною различению «моих» и «данных мне» содержаний сознания: только то, что непосредственно сознается, как «мое», напр. «мое» усилие внимания, «мое» хотение слушать музыку, «мое» удовлетворение от слушания ее и т. п., принадлежит к составу моей деятельности и имеет строение волевого акта; все же остальное, «данное» мне, принадлежит уже внешнему миру, напр. видимый мною белый цвет ландыша принадлежит ландышу, сознаваемая мною зубная боль есть состояние моего зуба; все эти «данные» вовсе не суть творения моей воли; они суть только **созерцаемые** мною элементы бытия, находящегося вне моего «я». Только **акт** созерцания, выбирающий в одном случае для сознательного восприятия цвет ландыша, а в другом случае зубную боль, есть проявление **моей** воли, т. е. действие, производимое мною сообразно моим интересам, влечениям, страстям. Таким образом, присоединение тех или других сторон внешнего мира к составу моей сознательной жизни есть уже **выборка**, производимая моею волею.

Свое учение о восприятии и вообще о знании я назвал впоследствии **интуитивизмом**, обозначая словом интуиция **непосредственное созерцание** субъектом не только своих переживаний, но и предметов внешнего мира в подлиннике. Моя система психологии заключала в себе парадоксальное на первый взгляд сочетание волюнтаризма с интуитивизмом, т. е. учения об активности «я» с учением о его созерцательности (относительной пассивности) в познавательных процессах. Противоречия в этом сочетании нет: созерцание есть тоже волевой акт, однако содержащий в себе момент пассивности в том смысле, что этот акт не творит созерцаемого предмета, а лишь **выбирает** какой из множества предметов сделать сознанным или даже познанным. Именно это сочетание волюнтаризма с интуитивизмом облегчало мне задачу доказательства, то жизнь «я» есть непрерывный ряд волевых действий.

ПОЕЗДКА В ЯСНУЮ ПОЛЯНУ И В ОПТИНУ ПУСТЫНЬ

...Из Митина мы с женою совершили поездку в Ясную Поляну с целью повидать обстановку жизни Льва Толстого и места, которые он посетил перед смертью, Оптину пустынь и Шамардино. При жизни Толстого, думая о нем, я всегда радовался тому, что и среди наших современников есть, по крайней мере один несомненный гений. Но считая его гениальным художником, я весьма низко оценивал его морально-философские писания и находил, что они даже не заслуживают критики с точки зрения философа. Поэтому меня поражает то, что среди иностранцев, особенно в Америке, есть много поклонников Толстого, которые знают только его этические трактаты и вовсе не читали его художественных произведений. Перед восьмидесятилетием Толстого Комитет, подготавливавший сборник в его честь, предложил и мне написать о нем хотя бы страничку. Я написал заметку, в которой говорил о чувстве счастья, вызываемом сознанием, что среди нас живет подлинный гений, и характеризовал Толстого, как великого художника, но ни словом не упомянул его философских и этических учений. Комитет, конечно, не напечатал моей статьи. После смерти Толстого декан историко-филологического факультета предложил мне подготовить речь о Толстом для торжественного собрания университета. Я написал статью «Нравственная личность Л. Н. Толстого». Она была напечатана в «Логосе», но как речь она произнесена не была: университетское собрание не состоялось вследствие опасения демонстраций. Значительно позже, в 1928 г., когда праздновался столетний юбилей со дня рождения Толстого, я говорил в Белграде и Загребе о «Толстом как художнике и мыслителе», («Современные Записки, 1929, вып. 37»).

В Оптиной пустыни мы хотели побывать не только потому,

что там был Толстой перед смертью, но и потому, что туда ездил Достоевский с Влад. Соловьевым и там Достоевский получил впечатления, использованные им в «Братьях Карамазовых» особенно для образа старца Зосимы. Была и еще более серьезная причина моего интереса к Оптиной пустыни с ее старцами. В это время в связи с моими занятиями метафизикою у меня начался медленный процесс возвращения к религии, о чем будет рассказано подробно позднее.

Посещение Ясной Поляны было для нас облегчено тем, что в нескольких километрах от нее находилось имение «Телятники» Владимира Григорьевича Черткова. Жена его Анна Константиновна, урожденная Дитерихс, была дочерью генерала, с семьею которого издавна была знакома Мария Николаевна. В семье этой было двенадцать человек детей. Старшая из дочерей была Анна Константиновна; некоторое время она была учительницею гимназии Стоюниной, потом вышла замуж за Черткова. Сестра ее красавица Елена Константиновна вышла замуж за Щегловитова, будущего министра юстиции. Анна Константиновна говорила об этом браке Марии Николаевне, как о бедствии: «В семье нашей, такой дружной, поселился Иудушка Головлев». Вскоре Елена Константиновна разошлась с мужем. Две сестры Дитерихс Ольга и Мария были ученицами гимназии Стоюниной; Ольга вышла замуж за сына Льва Толстого Андрея и была брошена своим мужем. Брат их Михаил Дитерихс, — генерал, умерший недавно на Дальнем Востоке.

Перед поездкою мы списались с Анною Константиновною Чертковою и были приглашены ею остановиться у них. Чертковы познакомили нас с доктором Маковицким, который жил в Ясной Поляне в последние годы жизни Толстого. Под его руководством мы осмотрели Ясную Поляну. В ночь ухода Толстого из семьи доктор Маковицкий провожал его через сад в конюшню. Он провел нас по той самой дорожке, по которой они шли, и рассказал, что здесь ветвями яблони была сброшена шапка с головы Толстого, на что он не обратил внимания. По мнению доктора, это охлаждение головы было причиною начавшегося через несколько дней у Л. Н. воспаления легких. Софии Андреевны Толстой мы не видели при осмотре дома. Она, конечно, не показывалась уже потому, что мы пришли из Телятенки от Черткова. Симпатичный доктор Маковицкий спустя короткое время уехал к себе на родину в Словакию. Там он покончил с собою, мучимый меланхолией.

Мирная русская обитель, Оптина пустынь, храм которой и общий вид прекрасно гармонируют с окружающею природой, произвел на нас глубокое впечатление. Особенно хорош был лес с грандиозными, прямыми, как свеча, мачтовыми соснами, окружающими в отдалении от монастыря скит. Внутри кольца скитских

келий сквозь отворенные ворота виден был сад с яркими красками цветущих растений, придававших оттенок нежности этому суровому месту затворнической жизни.

Нам несколько раз случалось видеть тогдашнего старца отца Анатолия, окруженного толпою богомольцев. Но пойти к нему, чтобы побеседовать с ним, мы не решились, считая неуместным вступать в общение с таким наставником народа не ради поучения, а ради удовлетворения своего любопытства. Из Оптиной пустыни мы поехали в женский монастырь в Шамардино, где была монахиней сестра Льва Николаевича Мария Николаевна и куда тоже заезжал Толстой перед смертью. Очевидно, он сознавал свою вину перед православной церковью, но самолюбие и суэта окружавших его толстовцев помешала ему совершить подвиг покаяния.

В Шамардине в последние годы своей жизни жил и учительствовал старец Амвросий, с которым беседовал Достоевский, описавший в «Братьях Карамазовых» прием богомольцев у него и некоторые его поучения. Деревянный домик, где жил старец, окружен, как футляром, каменным зданием и таким образом защищен от разрушения. На кровати старца лежат листовки с его поучениями, и каждому посетителю домика монахини предлагают вытянуть какое-нибудь из этих наставлений. С грустью думаем мы о том, что все эти тихие обитатели разрушены теперь большевиками, которые, как и немецкие нацисты, ненавидят все то, что воспитывает в человеке доброту и любовь ко всякой индивидуальной душе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Валерий Брюсов — К. В. Мочульский. Париж 1962 г. (183 стр.) Издание YMCA-Press, 11, rue de la Montagne Ste Genevieve, Paris 5.

Книги покойного проф. К. В. Мочульского берешь в руки, зная заранее, что будет интересно, глубоко и талантливо. Конечно, и на этот раз ожидание не обмануло. Русский символизм — одно из центральных явлений Ренессанса начала XX века, навсегда останется огромным приобретением искусства «русской медлительной речи»... А здесь В. Брюсов — бесспорный «мэтр». Брюсов революционизирует стихотворную технику: опыты его мало удачны, а потому не вполне убедительны. Но они прокладывают дорогу для тех, кто идет за ним. Не «преодоление бездарности», но преодоление книжности и искусственности, власть искусства над искусственностью — вот что Валерию Брюсову приходилось брать с бою и трудными, мучительными усилиями. Уже тот очень важный психологический факт, что для усовер-

шенствования своего дара Брюсову «нужно пройти через аскезу, молчание, тихое накопление сил, нужно время перестать быть литератором» (стр. 44), показывает на наличность у этого очень большого поэта того «сокровенного сердца человека», без чего никакое подлинное творчество невозможно. На пороге двух столетий появляется знамение зрелости Брюсова — сборник «Третья стража» (*Tertia vigilia*). Начиная с этого места, книга К. Мочульского особенно интересна тем, что параллельно с очень хорошо переданной творческой биографией поэта проходит целая портретная галерея сверстников и современников В. Брюсова, с самыми заманчивыми именами, ставшими в огромном большинстве так сказать «классиками» — горькая и ироническая судьба всех тех авторов, которым навсегда хотелось остаться молодыми буянами, новаторами, скандалистами — одна из важнейших субъективно психологических причин, приведших к появлению разных форм того, что мы теперь именуем футуризмом.

Необычайная образованность, даже ученость Валерия Брюсова, его утонченная культурность превращала его в неоклассика. Процесс этой неуклонной выработки из Валерия Брюсова «неоклассика» и появления его «бронзольвов» превосходно прослежен проф. К. Мочульским, и в этом отношении его книга очень хорошая. Ярко и выпукло вычеканил К. Мочульский религиозную глухоту и слепоту Валерия Брюсова. Это, пожалуй, единственная область, где он по настоящему и окончательно бездарен. Но человеческая природа, как и всякая другая, не терпит пустоты, и искусство — мастерство, ставшее идолом, несомненно заменило Брюсову религию. Сам Брюсов считал, что его путь ведет к так сказать «неоакадемизму». И он был в значительной степени прав, как был прав Мочульский, подчеркивая эту «классическую» сторону творчества Брюсова и его твердое намерение следовать Пушкину, Боратынскому, Тютчеву, Фету, словом, русским классикам и неоромантикам. Конечно, неоакадемизм все же совсем не то, что простое шествие по проторенным и даже заезженным дорогам. Эти видно из блестящей и глубокой статьи Брюсова о Гоголе под характерным заглавием «Испепеленный». Статья действительно блестящая, новая, и по сей день задевает читателя заживо. Восторг гениального Розанова показывает, что в лучшие минуты свои Валерий Брюсов мог вставать во весь рост, и что рост этот был громадный. Помимо названной статьи, достаточно вспомнить такие стихи, как «Конь блед», «Хвала человеку», «Юношам», «Дифирамбы городу», «Демон самоубийства» и др. Что же касается печального заката Брюсова, то он совпал с общероссийским погромом октября, и здесь остается только тяжело вздохнуть. Книга К. Мочульского издана просто и со вкусом.

В. Ильин.

“КНИГА СВИДЕТЕЛЬСТВ” Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) Нью-Йорк, 1965 (380 стр.).

Большинство глав этой книги являются обращениями ее автора по радио к жителям нынешней России. Эти главы могут показаться кое-кому из нас эмигрантов не имеющими к нам отношения, хотя бы потому, что обитатели СССР религиозно очень не образованны и подвержены насильственному влиянию материализма.

Но так ли уж мы сами хорошо осведомлены в вопросах нашей веры и так ли мы свободны от разных антихристианских воздействий? Всем христианам, даже богословам есть всегда чему поучиться, т. к. истинное христианское знание не имеет предела, а материализм, он и здесь за рубежом внедряется в нас, то с помощью многих наших житейских привычек, то через среду, нас окружающую.

Таким образом, слова, сказанные жителям порабощенной ныне России, конечно, нужны и нам, в особенности если это слова большого Пастыря Христова Стада, каким является автор книги.

Ключем для восприятия и приятия книги можно счесть главу ее “Синергизм”. Она является образцом ясности, краткости и простоты, а в то же время в ней сказано все главное о духовной жизни христиан, о жизни не просто человеческой, а богочеловеческой. В этой главе, которую так хочется дать прочесть всем и каждому, имеются такие слова: “близость человека к Богу измеряется его радостью о Правде Божией и его страданием без этой Правды”. Вот “Книга Свидельств” и есть, прежде всего, как раз свидетельство о такой радости. Крупинки Правды Божией автор находит почти везде, он с радостью их собирает и передает нам. И крупинки эти, вернее эти искры свидетельствуют о том, что Великий костер Божественной Любви и Правда находятся так недалеко от нас. Если читатель в простоте души примет эти искры как некий дар, ему посылаемый, то они могут зажечь и возжечь в его сердце огонь.

Место не позволяет отметить все эти искры радости о Правде Божией, о Ее хотя бы недолгом торжестве в нашем потемневшем мире (“И Свет во тьме светит и тьма не объяла Его”), но нельзя не отметить здесь хотя бы некоторых очерков: — Елена Келлер, Глаза матери, Равноапостольный человек, Кюхельбекер, Мария Михайловна, Смерть за моим столом, Победа, Сенегалец. В этих главках передаются случаи из жизни русских, американских, японских и других праведников. В них повествуется более всего о подлинных обращениях к Богу. Есть в книге и другой ценный материал, например — мысли о православном отношении к католическому Риму, ко II Ватиканскому Собору, к современному иудейству. В этой затрагиваемой автором области экуменических вопросов, некоторые слова могут показаться слишком прямыми, даже горькими. Но именно такие слова нужны: — дешевая дипломатичность не двинет нас вперед и в области духа дипломатичность всегда дешева.

Во многих отношениях ценны и апологетические наброски, имеющиеся в книге. Это не какое-либо систематическое опровержение материализма, это большею частью только подбор некоторых очень инте-

ресных фактов и размышлений современных мыслителей и ученых, сопровождаемых мыслями самого автора. Эти отрывки достигают своей цели: они будят мысль читателя, побуждают к честному мышлению. А это именно и нужно тогда, когда материализм хочет уловить нас в убаюкивающие сети своего узкого мысленного гамака, который на самом деле ни к чему солидному не подвязан.

На своем месте, в книге помещено “свидетельство о жизни” (из речи перед хиротонией во епископы). Это свидетельство является свидетельством в самом чистом виде. Здесь нет ни намека на какие-либо побочные цели; нет в нем иногда встречающихся в этих случаях “положенных” фраз и, конечно, ни намека на литературную претензию, на красноречие. Это — чистое свидетельство. О чем? О все покрывающем и все озаряющем милосердии Божиим и о человеческой нищете, содрогающейся перед этим избытком света. Читая эту речь, нельзя не подумывать о том, что хорошо бы каждому православному читателю осознать, что если не все мы призваны к высокому иерархическому служению, то все христиане принадлежат к царственному священству, и что на каждом лежит великая ответственность за себя и за других, и для каждого Господь хочет сделать все, чтобы его труд в Божием винограднике принес бы наилучшие плоды и награду.

Поэтому и это “свидетельство о жизни” обращено к каждому из нас. Самые заключительные созерцательного характера афоризмы не напрасно включены в книгу. Не все речения эти ответят всякому на его запросы, но трудно себе представить, чтобы кто-либо не нашел в них для себя, хотя бы немного, то укрепляющих, то подбадривающих слов, нужных именно для него.

Протоиерей А. Семенов Тянь-Шанский

ХРОНИКА

ПОД ЗАЩИТОЙ «СКАЛЫ ГОСПОДНЕЙ».

СЪЕЗД Р.С.Х.Д.

7-го июня закончился 41-ый съезд Р. С. Х. Д. во Франции, работа которого протекла под гостеприимным кровом протестантского студенческого дома в La Roche-Dieu. Этот съезд, привлечший свыше 220 участников, утвердил нас в убеждении, что Р. С. Х. Движение, оставаясь верным своей основной задаче привлечения молодежи к вере Христовой и к Православной Церкви и тем самым к проблемам духовной жизни всего мира, отзывается также на вопросы, которые нам ставит действительность в областях, не связанных непосредственно с религией. Это убеждение подтверждается программой настоящего съезда, задуманного под общим названием «Россия и Запад».

По установившейся традиции, все дни съезда начинались и заканчивались богослужениями. Большинство участников съезда исповедывались и причащались св. Тайн.

Съезд открылся в субботу 5 июня докладом Olivier Clément на тему «Православие и соборы», прочитанным на французском языке.

Докладчик сделал разбор постановлений, вынесенных на последней по времени сессии Второго Ватиканского Собора. В нашем кратком обзоре нет возможности привести полностью содержание этого богатого доклада. Мы остановимся на некоторых его положениях.

Говоря о тексте «De Ecclesia», проммульгация которого состоялась 21 ноября 1964 г., докладчик остановился на той действительно взаимной зависимости (*interdépendance*), которая установилась между Папой и епископатам. Серьезные изменения оказались внесенными в систему управления Церковью, благодаря введению принципа коллегиальности. Католический епископат осознал свою силу. В тексте «De Ecclesia» мы находим немало ссылок на Отцов Церкви и цитат из их творений. Догмат о непогрешимости Папы, принятый в 1870 году на Первом Ватиканском Соборе, является, как известно, одним из главнейших препятствий на пути сближения между Православной и Католической Церквями. И этот догмат «просвечивает» через тексты постановлений Второго Собора, являясь как бы их задним планом. В отношении этого догмата мнение докладчика категорично: догмат должен быть пересмотрен. Если он ошибочен, Собор должен иметь мужество это признать, подвергнув догмат изменению или даже его совсем отменив. Говоря о постановлениях Собора относительно экуменизма, докладчик стал на путь реалистического осуществления этого религиозного течения, отвергая путь «экуменизма взаимных поздравлений». Наконец, по его мнению, необходимо добиться от Общеправославного Собора ясного заявления, обращенного к Католической Церкви, о том, что мы не принимаем термина «Восточная Церковь» или «Церковь Восточных Христиан», употребляемого в текстах постановлений Ватиканского Собора по отношению к православным, но настаиваем на употреблении термина «Православная Церковь», условие совершенно необходимое для ведения диалога с Римом о путях, ведущих к сближению церквей. Заканчивая, докладчик указал на необходимость подойти с покаянным чувством к предстоящим нам встречам с инославными.

Второй день съезда начался Божественной Литургией, после

которой был заслушан доклад Mr. Jean Laloy на тему «Запад и Россия» (на французском языке). В прошлом, в течение многих лет, Mr. Laloy был советником по русским делам при Министерстве иностранных дел. По делам службы ему пришлось совершить много поездок в Сов. Союз, где он встречался с видными представителями правящего класса. Mr. Laloy имеет, таким образом, большой авторитет в русских делах. В настоящее время он состоит преподавателем в Ecole Supérieure des Sciences Politiques и в Ecole Nationale d'Administration. Он перевел на французский язык «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу». Таким образом, не только политический, но и духовный облик России стал знаком докладчику.

Напомнив определение, данное Черчиллем России: «Une énigme enfermée dans le mystère», докладчик наметил главные этапы в истории России со времени революции 1917 г.: 1) эпоху Ленина, кажущуюся нам теперь очень отдаленной, вызвавшую в свое время ряд ошибочных оценок со стороны ведущих людей политики, экономики и литературы на Западе; 2) эпоху Сталина, которую он называет «эпохой бетона», связанную с рядом тяжчайших испытаний для русского народа. Нельзя не испытывать сильнейшего удивления, по словам докладчика, при мысли о том, какую ошибочную оценку давали Сталину на Западе. Можно поражаться тому преклонению, которым отдавали дань «гению» Сталина умнейшие и образованнейшие люди свободных стран, не дававшие отчета в систематическом и все усиливающемся удушении культуры в России. Третий этап, это эпоха «кукурузника» Хрущева, как отметил докладчик, привела к ряду парадоксальных положений, как в области внешней политики («сосуществование» с капиталистическими державами, появление новых государств, образовавшихся из бывших колоний, атомная бомба, которую не предусмотрел Маркс), так и в области внутренней политики (развенчание Сталина и все, что за ним последовало). Четвертый этап, начатый преемниками Хрущева, длится еще слишком мало времени, чтобы можно было о нем судить, но уже теперь нужно отметить новые течения, связанные с все усиливающимися требованиями свободы мысли и творчества со стороны студентов, писателей, поэтов, музыкантов, артистов, художников и т. д. Докладчик остановился на недавнем случае с М. Михайловым, который в своей книге «Московское лето» осмелился сказать, что концентрационные лагеря были изобретены не Гитлером, а Лениным в 1921 году.

Переходя к заключениям, докладчик считает, что советская система сильно подорвана червоточиной изнутри. Мы стоим перед

перспективой постоянной борьбы, с возможностью диалога между властью и населением. Эволюция несомненно есть, но будь она длинной или кратковременной, «Термидор» не представляется возможным для докладчика. Советский Союз пройдет через ряд кризисов. Несомненно, что наступит настоящий диалог с Западом. Необходимо, чтобы этот диалог происходил на почве взаимного уважения. Люди с Востока приносят проблемы большой глубины на Запад. Самая существенная из этих проблем — религиозная. Запад не всегда оказывается на высоте этих проблем. Ему нужно подняться до этой высоты, так как он несет ответственность за судьбы Востока.

Если Mr. Lalou, докладчик из французской университетской среды, новый человек для Движения, талантливо представил аудитории доклад на тему «Запад и Россия», то не менее талантливо, но в совсем ином роде, говорил на тему «Россия и Запад» Николай Ефремович Андреев, профессор Кэмбриджского Университета.

В быстром ракурсе проф. Андреев прошел через те эпохи, которые особенно были отмечены соприкосновением России с Западом. Он отверг ряд научных «мифов», имеющих еще до сих пор приверженцев в среде иностранных и русских ученых: миф об азиатском происхождении славян, миф о том, что славяне были кочевым племенем; миф о том, что славянам был несвойствен демократический строй. С большой силой он высказал утверждение, что Русь, славянское государство, не подавляло национальностей, вошедших в его состав, а их в настоящее время насчитывается 194, согласно официальной статистике. Особо остановился докладчик на отношении Православия к Западу и на тех исторических условиях, которые вынудили Православную Церковь от благожелательного отношения к Западу перейти к оборонительному положению, в связи с завоевательными планами тевтонских рыцарей и Польши. Говоря о современной нам эпохе, проф. Андреев уделил много внимания марксизму, этому своеобразному «подарку» Западу России, и его основоположникам. Нам невозможно дать подробный отчет о докладе, о последовавшем за ним обсуждении в группах и о поставленных докладчику слушателями вопросах, высокий уровень которых был отмечен проф. Андреевым. Ответ докладчика на вопросы превратился как бы в новый доклад, дополняющий первый.

Третий день был посвящен теме, представляющей в настоящее время особую остроту: «Борьба за свободу духа в Советском Союзе». Такие высококвалифицированные докладчики, как М. Н.

Энден и Н. А. Струве, смогли осветить вопрос с разных сторон: борьба за свободу духа в области литературы и искусства, организация цензуры в советских условиях, выравнивание по линии мнения, высказываемого ведущей страну личностью (пример: отношение критики к книге Дудинцева «Не хлебом единым»), возможность легальной борьбы, уход многих от легальной к нелегальной борьбе путем распространения размноженных на пишущей машине и при помощи лент магнитофона недопущенных цензурой произведений, — таковы были основные положения доклада М. Н. Эндена.

«Искусство и религия это те проявления духа, с которыми не может справиться советская власть». Этим заявлением Н. А. Струве начал свой доклад, давший поистине жуткую картину удушения искусства и религии в Советском Союзе. «Что мешает современным Диоклетианам довести истребление религии до конца?»

Докладчик ставит этот трагический вопрос и дает на него лишь косвенный ответ, говоря о волне обращений к вере, о жажде духовного слова, духовной литературы (книга протоиерея проф. Флоровского «Пути русского богословия», изданная за границей, была нелегальным путем, ценой неслыханных усилий, перепечатана на пишущей машине в количестве 500 экземпляров!). Как пополняются ряды духовенства? Семинарий осталось только три, число слушателей в них сильно ограничено властью, соглядатаи следят за благонадежностью семинаристов. Пополнение идет со стороны людей с законченным образованием, уже прошедших часть жизненного пути, священниками становятся врачи, инженеры, вообще люди интеллигентного труда... Дух Пятидесятницы всегда пребывает с верующими!

Чрезвычайно интересным и, можно сказать, захватывающим; было выступление молодого француза — преподавателя русского языка. В качестве руководителя групп студентов, изучающих русский язык, ему пришлось несколько раз побывать в Сов. Союзе, оставаясь там довольно продолжительное время. Участники этих групп, молодых по составу, ведут почти лагерную жизнь, что облегчает им общение с подсоветскими людьми. Рассказ учителя поражает наблюдательностью, свежестью восприятия, отсутствием предвзятости, но... какая получается безотрадная картина!

Железный занавес — не фикция, он существует. За группой была слежка, но она не опасна, если не предпринимать ничего тайного, запрещенного. Поражает серость быта, какое-то отупение, часто добровольно на себя взятое («знать только свою работу и ничего другого не касаться»). В одежде, довольно однообразной,

выражается желание ничем не выделяться из толпы, слиться с нею. Что касается официальной пропаганды, сов. человек придерживается «политики непромокаемого плаща», на него можно изливать потоки пропаганды, она его не затронет. Спасение от серости жизни сов. человек находит в юморе. Анекдоты, характеризующие сов. быт распространяются с молниеносной быстротой по всему Сов. Союзу. Советский человек очень падок до чтения и проблемы метафизического характера ему не чужды: проблема смерти, страдания. Докладчик сравнил жизнь сов. человека с ледяной горой, айсбергом: видна только ее небольшая часть, все остальное скрыто под водой. Он сделал и другое сравнение, более оптимистическое: с русской весной, когда внешне природа еще скована льдом, но внутри него уже кипит жизнь.

К. А. Ельчанинов дополнил сообщения трех предыдущих докладчиков своими впечатлениями от встреч с людьми «оттуда», которые начались еще в 1961 году, во время французской выставки в Москве и продолжаются по сей день.

Последнее собрание съезда было посвящено теме «Обедняется ли Православие на Западе?», развитие которую взяли на себя про-тоиерей А. Ребиндер, В. А. Водов и священник Б. Бобринской.

Вот их выводы. Бытовое православие, вывезенное из России эмиграцией, умирает. Много приходов, особенно провинциальных, держится на людях, родившихся до 1905 года. С ними в церковь приходят их внуки, до 10 лет, редко старше. Подрастая, эти дети перестают ходить в церковь: влияние лица, окружающей среды, перегруженность занятиями. Что будет с этими приходами, когда вымрет старшее поколение? С другой стороны, связь, существовавшая в России (дореволюционной) между церковью и властью, вызвала печальные последствия для церкви за рубежом: церковь связала с монархическим началом. Это положение не всеми было признано, откуда пошло начало раскола, распада на «юрисдикции». Раскол — причина церковного разложения. К этой трудности церковной жизни присоединяется трудность языка. Богослужение надо переводить на язык страны, в которой живут русские православные, чтобы сделать его понятным для молодого поколения и для жителей страны, т. к. не надо забывать, что первая обязанность христианина — «свидетельствовать» там, где он находится. Православие это сокровище, которое нам нужно, как хлеб насущный. Это сокровище нельзя оставлять под спудом, надо явить его миру. Перевод богослужения на иностранный язык — вещь трудная, приходится скорее говорить о «приспособлении». Мы знаем,

с какими трудностями оказался связанным перевод католического богослужения с латинского на французский язык.

Р. С. Х. Движение и Православный Богословский Институт в Париже видят цель своего существования в раскрытии Православия, с одной стороны, тем из русских, кто с ним еще не соприкоснулся, и с другой стороны, инославному миру. Эти обе задачи, при наших скромных силах и возможностях, кажутся превышающими человеческие силы, но те условия полной свободы проповеди слова Божия, в которых мы живем и которых совершенно лишены наши братья за железным занавесом, обязывают нас к этому усилию.

А. В. Морозов

**“ГРОЗА — драма А. Н. ОСТРОВСКОГО
в исполнении театральной группы Р.С.Х.Д. (27 мая 1965 г.)**

“Бы неумолкаем яростен людской поток”... этими словами великолепного стихотворения В. Брюсова можно охарактеризовать день постановки Грозы. Большая театральная зала в Исси-ле-Мулино была заполнена. Отраднo, что среди зрителей было много молодежи, которая несомненно видела постановку драмы Островского впервые. Остается пожалеть, что силы и дары были потрачены всего только на однократную постановку дивной пьесы русского драматурга.

В течение многих месяцев театральная группа Р.С.Х.Д., под талантливым руководством режиссера Н. В. Токарской, готовилась к спектаклю.

Образ бесчеловечной Кабанихи, созданный Н. В. Токарской, надолго запечатлется в памяти у зрителей. Властность и деспотичность Кабанихи ощущалась не в крике, а в ее холодном и спокойном тоне. Явно, что Н. В. Токарская, своим большим театральным опытом, помогла и молодым артистам воплотить другие образы драмы так, что зрители на протяжении пяти актов следили с поразительным вниманием за всеми событиями этой глубокой трагедии.

Именование пьесы — “Гроза” — было оправдано вполне и притом многообразно и разнопланно. Удары и раскаты грома соответствовали общему настроению трагического события драмы. Со всей силой дано было почувствовать неотвратимость рока.

Грозой была и нарастающая атмосфера непобедимой роковой страсти, жертвой которой оказались три лица. Эти три лица: — Катерина, великолепно проведенная Е. К. Сидор, ее незадачливый, несчастный и жалкий муж Тихон Кабанов, роль которого исполнял И. В. Морозов, и Борис, возлюбленный Катерины, представленный А. Г. Сериковым, как бы удачливым в любви двойником неудачного Тихона. Обоим артистам удалось правдиво показать своей игрой вялую бесхарактерную бледность. Оба “претендента” на любовь Катерины — “законный” и “незаконный” оказываются одинаково недостойными такой женщины, сердце и характер которой не нашли себе отзыва ни в том, ни в другом. Единственный человек, понявший Катерину, был Кулигин, но в силу жизненной ситуации, оказался очень далек от нее. Кулигин — изобретатель и артистическая

Театральная группа Р. С. Х. Д.

натура — образ которого ярко воплотил И. Г. Бутаков. Оба — Катерина в любви, Кулигин в изобретательском даре — не находят в этой ужасной жизни никакого применения, и есть нечто глубоко таинственное и правдивое в том, что перед лицом вечности Катерина оказалась под защитой большого мужского характера Кулигина.

Барвара, очень хорошо сыгранная А. Г. Жабченко, предстала перед нами как натура вакхическая.

Миллионер-самодур, спаивающий мужа Катерины и тупо рычащий на талантливого Кулигина, личность одновременно смешная и страшная. Он нашел свое воплощение в лице Д. Н. Сорокина, который мастерски изобразил Дикого.

В этот день все было на своем месте, все входило в общий состав гармонии. Поэтому мы не ошибемся и не преувеличим, если от лица любящих театральное искусство, выразим благодарность за исполнение Феклуше — Н. В. Анненской, простодушному и веселому В. Кудряшу (А. Долинов), и жителям города Калинова, столь живо изображенным М. А. Хлоповой (Глаша), М. П. Чеснаковым (Шапкин), барыне (С. М. Радищева), лакеям (А. Архипов и П. Лукин) и участникам из народа — В. А. Шушкевичу и Л. Аксеновой.

В заключение мы должны воздать должное Е. Зубченко за ее талантливое декоративное оформление и И. В. Ростиславовой и М. В. Громцовой за удачный подбор костюмов и аксессуаров. Декорации и костюмы помогали зрителям перенестись в купеческий быт середины XIX века. Зрители были положительно зачарованы этим таинством переноса в иную эпоху и иной стиль природы и людей.

Иванов

СОБРАНИЯ НА ТЕМУ: “УЧАСТИЕ МИРЯН В ЖИЗНИ ЦЕРКВИ” И КРУЖОК ПО ИЗУЧЕНИЮ БИБЛИИ.

Предназначенные для встречи членов Движения с прихожанами нашего храма собрания, под общим названием “Участие мирян в жизни Церкви”, удвоили свою активность и происходят теперь каждую неделю в доме Движения, на 91, rue Olivier de Serres, Paris 15: в пятницу и четверг, попеременно. Кроме общих тем, интересующих сознательных христиан и богомольцев, выявилась потребность — очень актуальная и “спешная” — заняться изучением Библии и “библейскими” проблемами вообще. Как известно из советской и мировой антирелигиозной литературы, неверное разрешение библейских проблем является одной из главных причин отхода от веры и “козырем” атеистической пропаганды.

По пятницам продолжается изучение Литургии: мы подошли к изучению Евхаристического Канона. По четвергам, после вступительных слов о значении Ветхого Завета для христиан, мы обратились к изучению тех мест Библии, о которых упомянуто в Новом Завете. Надо надеяться, что постепенно эти собрания привлекут все большее число участников, и это послужит не только делу нашего “единомыслия” — о чем мы постоянно молимся на Литургии, но также и к исполнению нашей миссии.

Свящ. Г. Сериков

LES EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, Paris (5e)

Tél. : ODE. 74-46 et ODE. 43-81

Compte Chèques Postaux : Paris 13313-73

НОВЫЕ КНИГИ:		фр.
ФРАНК, С. Л.:		
Душа человека (Опыт введения в философскую психологию)		20,—
ФРАНК, С. Л.:		
С нами Бог (Три размышления)		20,—
ФРАНК, С. Л.:		
Из истории русской философской мысли конца XIX и нач. XX в.		15,—
ШЕСТОВ, Л.:		
Умозрение и откровение (Религиозная философия Вл. Соловьева и др. статьи)		20,—
ВЕЙДЛЕ, В.:		
Задача России		8,50
ВЕЙДЛЕ, В.:		
Вечерний день		7,50
Еп. КАССИАН (Безобразов):		
Христианство и первое христианское поколение (Введение в библейскую историю Нов. Завета)		15,—
Еп. КАССИАН (Безобразов):		
Царство Кесаря перед судом Нового Завета		3,50
Евангелия и Деяния Апостолов — новый перевод на русск. яз. комиссии под председат. еп. Кассиана		3,50
ЛОССКИЙ, Н. О.:		
Свобода воли		9,—
ЛОССКИЙ, Н. О.:		
Условия абсолютного добра		10,—
ЛОССКИЙ, Н. О.:		
Характер русского народа		11,25
ЛОССКИЙ, Н. О.:		
Достоевский и его христианское миропонимание		11,—
ЛОССКИЙ, Н. О.:		
Общедоступное введение в философию		12,50
СТЕПУН, Ф. А.:		
Бывшее и несбывшееся. 2 тома		21,50
СТЕПУН, Ф. А.:		
Встречи (Достоевский, Толстой, Бунин, Вяч. Иванов, А. Белый, Леонов)		9,—

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

- БУЛГАКОВ, прот. С.: **Православие** (очерки учения Православной Церкви)
- ТРУБЕЦКОЙ, Е. Н.: **Умозрение в красках** (о русской иконе)